Четыре мертвые королевы

Автор:
Астрид Шольте

Четыре мертвые королевы

Астрид Шольте

Лучшее молодежное фэнтези

Семнадцатилетняя Киралия Коррингтон живет в стране, разделенной на четыре части, и в каждой – своя королева. Королевы управляют землями вместе, но вскоре прежним порядкам приходит конец: кто-то хладнокровно расправляется с четырьмя правительницами…

Астрид Шольте

Четыре мертвые королевы

© 2019 by Astrid Scholte

© 2019 by Virginia Allyn

© С. Арестова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается вашей внутренней королеве.

Пусть она всегда будет храброй, уверенной в себе и непреклонной.

Пусть воплощает свои мечты.

Земли Квадары

АРХЕЯ

Остров земледельцев и скотоводов, где любят природу и ценят трудолюбие и простоту

Пословица: «Верь лишь тому, что подчиняется руке и сердцу»

Королева: Айрис

ЭОНИЯ

Квадрант с суровым климатом, где стремятся к развитию технологий, эволюции и гармонии в обществе

Пословица: «Тревожные мысли порождают тревожные времена. Спокойствие порождает покой»

Королева: Кора

ТОРИЯ

Прибрежный квадрант торговцев и мореплавателей, известных своим любопытством

Пословица: «Знай каждую мелочь и будешь знать всё»

Королева: Маргарита

ЛУДИЯ

Квадрант удовольствий, чьи обитатели проводят дни за развлечениями и занятиями искусством

Пословица: «По жизни нужно идти с открытыми глазами и открытой душой, наслаждаясь каждой минутой»

Королева: Стесса

Королевские законы

Статья первая: «Дабы защитить плодородные земли Археи, королева должна поддерживать старые порядки, в основе которых – скромный быт и трудолюбие».

Статья вторая: «Чувства и отношения затуманивают разум. Эонийцы должны посвятить себя развитию технологий, медицины и общества в целом».

Статья третья: «Развитию лудского искусства, музыки и литературы не должны мешать никакие житейские хлопоты».

Статья четвертая: «Любопытство и жажда открытий у торианцев в крови. Для дальнейшего процветания торианского общества эти качества необходимо поощрять».

Статья пятая: «До восхождения на трон королева должна жить в родном квадранте, вдали от влияния дворца, и воспитываться в традициях своего народа».

Статья шестая: «Переступив порог дворца, королева обязуется никогда не покидать его пределов».

Статья седьмая: «Дабы продолжить род, королева должна произвести на свет наследницу прежде, чем ей исполнится сорок пять лет».

Статья восьмая: «Королевы не должны растрачивать время и чувства на любовь. Дабы ничто не отвлекало их от исполнения долга, вступать в брак им запрещено».

Статья девятая: «Каждая королева должна иметь советника или советницу. Этот человек будет ее единственной опорой при принятии решений».

Статья десятая: «Дабы королевы сохраняли непредвзятость, советники должны присутствовать на каждом собрании и участвовать в принятии решений».

Статья одиннадцатая: «В случае смерти королевы или отречения от престола власть переходит к ее дочери».

Статья двенадцатая: «После смерти королевы ее дочь или следующая в порядке наследования родственница должна немедленно прибыть во дворец для коронации».

Статья тринадцатая: «Занимая трон, королева обязуется править квадрантом до конца своих дней. Исполнять ее обязанности не может никто другой».

Статья четырнадцатая: «Долг каждой королевы – поддерживать мир между квадрантами».

Статья пятнадцатая: «Каждый год королевы и их советники должны решать, кому достанется доза ГИДРы».

Часть первая

Глава первая

Киралия

Утреннее солнце скользило по золотому куполу дворца, заливая светом городскую площадь. Забыв о делах, люди смотрели наверх – словно это был знак от самих королев – а мы наблюдали за ними с крыши, подобно стервятникам, готовым в любое мгновение накинуться на жертву и разорвать ее на кусочки.

– Кого бы выбрать? – протянул Макель, прислонившись к большому экрану с последними новостями королевского двора. С виду он был приличным торианским юношей с приятными манерами и в безупречном костюме. Но это только с виду.

– Ох уж эти решения, – ухмыльнулась я.

Он облокотился на мое плечо и спросил:

– Какое амплуа тебе сегодня по душе? Милой девчушки? Девы в беде? Роковой красавицы? – Он вытянул губы в трубочку.

Я рассмеялась и отпихнула его.

– Ради хорошего улова я стану кем угодно.

Обычно я сама выбирала мишень, но в последнее время Макель ходил такой мрачный, что я решила сделать ему приятное. Я готова была на все, лишь бы он не хандрил.

– Выбери кого-нибудь сам, – пожала плечами я.

Он вопросительно приподнял брови, сдвинул назад шляпу-котелок и вгляделся в толпу. Черная подводка из кайала подчеркивала голубизну его глубоко посаженных глаз. Ничто не ускользало от его цепкого взгляда. На губах у него играла улыбка.

Воздух был холодным и чистым, не то что едкий душок морских водорослей, тухлой рыбы и гнилой древесины, пропитавший наш дом в торианской гавани.

Жить в Городе Согласия было дорогим удовольствием, ведь он был столицей Квадары и граничил сразу с тремя землями: Торией, Лудией и Эонией. Одна лишь Архея была отрезана от материка.

Первые этажи зданий занимали магазины с разрешенными товарами: лекарствами из Эонии, модными тряпками и игрушками из Лудии, свежими плодами и солониной из Археи. Все это закупали и свозили в столицу торианские купцы. Торговцы заключали сделки, дети визжали, зеваки вполголоса обсуждали дворцовые сплетни, и весь этот гул эхом отскакивал от стеклянных витрин.

Над домами возвышался дворцовый купол из золотого стекла, а под ним – вдали от посторонних глаз – протекала придворная жизнь. Входом во дворец служило старинное каменное здание: Дом Согласия.

Выискивая в толпе жертву, Макель прижимал к губам средний палец, что считалось оскорблением по отношению к четырем королевам, прятавшимся за дворцовыми стенами. Поймав мой взгляд, он усмехнулся и постучал пальцем по губам.

– Вот этот, – сказал он, провожая глазами темную фигуру, спускавшуюся по ступеням Дома Согласия. – Добудь-ка его футляр с чипами.

Человек, которого выбрал Макель, явно прибыл из Эонии. Если мы, торианцы, в морозную погоду кутались в бесконечные слои одежды, то на нем был облегающий черный костюм из особого, живого, материала, регулирующего температуру тела с помощью выделений миллионов микроорганизмов. Звучит мерзко, но в разгар зимы вещь полезная.

– Это же гонец, – возмутилась я.

Дом Согласия был единственным местом, где торианцы, эонийцы, архейцы и луды вели друг с другом дела, а значит, гонец работал на важное лицо.

Макель потер шею увешанной перстнями пятерней – нервная привычка.

– Что, кишка тонка?

– Еще чего, – фыркнула я.

Я была его лучшей ученицей. Так незаметно, как я, по карманам не лазил никто.

– И не забывай…

– Туда быстро, обратно еще быстрей.

Когда я уже собиралась соскользнуть с крыши, он схватил меня за локоть. Взгляд у него был серьезный, он уже много месяцев так на меня не смотрел – так, будто ему не наплевать. Я готова была расхохотаться, но смех замер в горле.

– Смотри не попадись, – сказал он.

Его беспокойство вызвало у меня улыбку.

– Когда это я попадалась?

С этими словами я спустилась с крыши и растворилась в толпе. Но не успела сделать и пары шагов, как старик передо мной вдруг застыл на месте и прижал четыре пальца к губам в знак уважения к королевам. Именно так и следовало выражать почтение, а не средним пальцем, как это сделал Макель. Я резко затормозила. Шипованные подошвы сцепились со стертой булыжной мостовой. Моя щека коснулась его плеча.

Проклятье! Почему, негодовала я, все вечно пялятся на королевский дворец, разинув рты? Хоть купол и стеклянный, сквозь него все равно не видно, что происходит внутри. Даже будь оно иначе, что с того? Королевам до народа никакого дела. Тем более до таких, как я.

Я выбила трость из руки старика. Он пошатнулся и бросил на меня раздраженный взгляд.

– Ой, простите! – сказала я, выглядывая из-под широкополой шляпы и растерянно хлопая ресницами. – Меня толкнули.

Выражение его лица смягчилось.

– Ничего, моя милая. – Он склонил голову. – Хорошего дня.

Я невинно улыбнулась и спрятала его серебряные часы в потайной карман в складках юбки. Будет ему уроком.

Поднявшись на цыпочки, я попыталась найти свою жертву. А вот и он! На вид немногим старше меня. Я бы дала ему лет восемнадцать. Органический костюм сидел на нем как вторая кожа, обтягивая торс, ноги, руки, пальцы и даже ступни. Наверняка надевать ее ничуть не легче, чем мои подъюбники и тугой корсет. Зато какой материал, какая свобода движений!

Гонец был довольно мускулист – впрочем, как и я: когда днями напролет бегаешь, прыгаешь или куда-то карабкаешься, мышцы тренируются сами собой. Торианцы в большинстве своем люди крепкие и поджарые из-за частых плаваний в Архею и обратно с погрузкой и разгрузкой судов. Но такая работа не по мне: я уже давно принадлежала к другому миру – к темной торианской изнанке. Под скромным платьем и тугим корсетом скрывалась моя истинная сущность. Мое призвание.

У подножия лестницы гонец остановился и снял торбу с плеча. Вот он, мой шанс! Старикан подал мне отличную идею.

Уставившись на дворец с разинутым ртом, я прижала к губам четыре пальца и понеслась к полированным ступеням Дома Согласия. Носок моего башмака попал в щербинку между двумя плитами, и, подобно тряпичной кукле, я безвольно повалилась вперед. Не очень изящно, зато действенно. Я по горькому опыту знала, что любой обман можно раскусить в два счета, поэтому отыгрывала свои роли до конца.

– Ай! – воскликнула я, сбивая эонийца с ног. Что-то темное во мне радостно откликнулось на глухой стук, с которым он ударился о каменные ступени. Я приземлилась сверху и потянулась к торбе.

Быстро оправившись, гонец отстранил меня и прикрыл торбу рукой. Может, кто-то из наших его уже грабил? Меня так и подмывало бросить взгляд на Макеля, который, как я знала, наблюдал с крыши.

Он всегда наблюдал.

Пора было сменить тактику. Я перекатилась на живот, хорошенько проехалась коленом по каменной плите и застонала от боли. Затем с самым невинным видом подняла взгляд на гонца.

Выглядел он как типичный эониец: правильно посаженные глаза, полные губы, высокие, четко очерченные скулы, волевой подбородок. Как у всех северян, у него были идеальные гены. Смугловатое лицо обрамляли черные кудри. У него была чистая, нежная кожа, которая, в отличие от моих персиковых щечек, наверняка не обветривалась в мороз и не обгорала под палящим солнцем. Его светлые, почти бесцветные, глаза смотрели на меня. Обычно у эонийцев глаза карие, потому что темная радужка лучше защищает от солнечных лучей. Может, светлые глаза дают преимущество в темноте?

– Вы целы? – спросил он с непроницаемым видом.

Лица эонийцев всегда выражали спокойствие, словно, как и всё в их квадранте, были скованы льдом.

Я кивнула.

– Простите, умоляю!

– Все нормально, – сказал он, держа руку на торбе. Но спектакль был еще не окончен.

Его взгляд задержался на моем черном башмаке с поцарапанным мыском и на руках, растиравших ушибленное колено.

– У вас кровь идет, – удивился он. Похоже, до этого момента он и вправду считал, что его пытаются обчистить. Я посмотрела на юбку. Пропитав подъюбники, по белой ткани расползалось красное пятно.

– Ничего себе!

Я скорчила гримасу и облокотилась на ступеньки, а потом уставилась на яркое солнце, чтобы на глаза навернулись слезы.

– Держите. – Он вынул из торбы платок и протянул мне. Я прикусила губу, едва сдерживая ухмылку.

– Я совсем не смотрела, куда иду. На дворец загляделась.

– Да, он красивый, – сказал гонец, обратив свои странные бледные глаза к золотому куполу у меня за спиной. Ни один мускул не дрогнул на его лице. – В лучах солнца купол как будто оживает.

Я нахмурилась. Вообще-то эонийцы не понимали красоту. Как бы иронично это ни прозвучало, они ее не ценили, хотя сами были красивы, как на подбор.

Я закатала юбку до колен.

– Что вы делаете? – сказал он.

– Хотела проверить, сильно ли ушиблась, – ответила я, стараясь сохранить серьезное лицо, а потом, якобы вспомнив, откуда он родом, поспешно опустила подол. – Ой, простите мои манеры…

Как и эмоции, любые формы близости были эонийцам чужды.

– Ничего страшного, – сказал он, отвернувшись.

– Не могли бы вы мне помочь? – попросила я. – Кажется, я подвернула ногу.

Он было неуклюже протянул мне руки, но, видно, решил, что безопаснее всего будет придерживать меня за локти, прикрытые рукавами. Я запустила руку в торбу и, чтобы он не почувствовал, как меняется вес поклажи, навалилась на него всем телом. Пальцы сомкнулись на чем-то гладком и холодном. Футляр с коммуникационными чипами. Я выудила его и положила в потайной карман. Едва я поднялась на ноги, гонец тут же отпустил меня, будто его заставили держать дохлую кошку.

– Идти сможете? – спросил он.

Я кивнула, но тут же покачнулась. Новички часто срывают маску, едва заполучив трофей. Я не хотела выдать себя раньше времени. Да и коленка побаливала.

– Кажется, нет, – вздохнула я.

– Куда вас проводить?

– Туда. – Я указала на свободный столик у входа в кофейню.

Он взял меня под локоть и, прокладывая плечами дорогу, повел через толпу. Я плюхнулась на стул и прижала к колену платок. – Благодарю вас. – Я опустила голову, мечтая, чтобы он поскорее ушел.

– Дальше справитесь? – спросил он. – Вы ведь здесь не одна?

Макель наверняка следил за нами, притаившись где-то поблизости.

– Конечно, нет, – ответила я с ноткой возмущения. – Со мной отец. Он где-то тут, занимается делами. – Я неопределенно махнула рукой в сторону магазинов.

Гонец присел на корточки и заглянул мне в лицо. Я поежилась. Его странные, почти зеркальные глаза были так близко, что мне стало не по себе. И все же под его взглядом я на мгновение почувствовала себя той, кого изображала. Девушкой, которая приехала с родителями в Город Согласия, чтобы пройтись по магазинам и насладиться богатствами других квадрантов. Девушкой из счастливой семьи. Девушкой, которая не разрушила свою жизнь.

А потом я моргнула и снова стала собой.

– Точно справитесь? – спросил гонец. В его лице что-то промелькнуло.

Никак беспокойство?

Сквозь ткань подъюбника ногу холодил металлический футляр, а затылок припекал взгляд Макеля.

Туда быстро, обратно еще быстрей.

Пора от него отвязаться.

– За меня не переживайте. Мне просто нужно передохнуть.

– Ладно… – сказал он, придерживая торбу рукой и поглядывая на Дом Согласия. Гонцы не имели права опаздывать. – Если вы уверены… – Он выжидающе смотрел на меня. Похоже, с хрупкостью я перегнула палку.

– Конечно. Мне уже лучше. Честное слово.

Он по-эонийски сдержанно кивнул и прибавил:

– Да пребудут королевы на престоле. Вместе, но врознь. – Обычный межквадрантный обмен любезностями.

Он развернулся.

– Вместе, но врознь, – откликнулась я. Не успел он и шагу ступить, а я уже вскочила со стула и затерялась в толпе.

Убегая, я сжимала в ладони футляр с чипами.

Глава вторая

Айрис, королева Археи

Статья первая: «Дабы защитить плодородные земли Археи, королева должна поддерживать старые порядки, в основе которых – скромный быт и трудолюбие».

Айрис сменила позу и поправила юбки. Полуденное солнце, проникавшее в зал сквозь стеклянный купол, падало на золотой циферблат с выгравированной картой Квадары. На карте рельефно выступали стены, разделявшие королевство на части. В центре циферблата стоял янтарный шар, преломляющий солнечные лучи и высвечивающий сотни надписей на мраморных стенах. Надписи ежедневно напоминали королевам и подданным об указах, регулирующих межквадрантные отношения, а также о строгих правилах, которым обязаны следовать все правительницы Квадары. Это были Королевские законы.

Вокруг циферблата спиной друг к другу стояли четыре трона. Квадранты были суверенны, но аудиенции всегда проходили в одном зале.

Вместе, но врознь.

Каждая королева сидела лицом к своим владениям, и напротив ее трона был начертан герб ее родной земли.

Из-за перегородки, где толпились посетители, вышел человек и встал на эмблему Археи – остров с оленем в горах в обрамлении цветов и листвы. Эмблема была нарисована золотой краской в несколько смелых штрихов. Проситель так низко поклонился, что коснулся носом блестящего мраморного пола. Айрис бросила взгляд на королеву по левую руку от нее. Маргарита насмешливо приподняла бровь.

Айрис шел тридцать первый год, и она не была на родине уже двенадцать лет. Но ничто не сотрет из ее памяти свежий архейский воздух, зеленые рощи и пологие холмы.

Выпрямившись, проситель по-прежнему избегал смотреть ей в глаза.

А жаль, ведь глаза у нее были чудесные.

– Моя королева, – произнес он дрожащим голосом.

Боится. Хорошо. Айрис считала, что людей нужно держать в страхе. Это требовало времени, но окупалось сполна.

Кому-то Архея могла показаться слабым звеном. Архейцы не доверяли современной технике и редко пересекали пролив, предпочитая держаться особняком. Они работали руками, жили просто, но в достатке.

– Говори, – взмахнула рукой Айрис. – Я не собираюсь сидеть тут весь день.

Капелька пота скатилась по лбу просителя и застыла на кончике носа. Он не стал ее вытирать. Айрис участливо поморщилась – на этом ее сочувствие заканчивалось.

– Я пришел просить мощь… – начал он. Она нахмурилась, и он поспешно продолжил: – Мощности… Нам нужны электрические мощности.

Айрис напомнила себе, что перед ней архейский губернатор. Впрочем, должность не прибавляла просителю авторитета в ее глазах. Мощь была сосредоточена в руках королев и никого больше. Власть была игрой, и за годы правления Айрис освоила ее в совершенстве.

– Хочешь электричество? – Она подалась вперед. – Нет.

Электросети имелись во всех квадрантах, кроме Археи, которая упорно пользовалась лишь тем, что подчинялось руке и сердцу, как говорилось в одной архейской пословице.

Наконец губернатор трясущейся рукой вытер со лба пот.

– Электричество позволит использовать машины, – продолжал он. – Рабочие не укладываются в график, который составила Тория. Моя королева, прошу, подумайте об этом!

Айрис откинулась на спинку трона и усмехнулась.

– Ты же знаешь, просить меня о таком бесполезно.

Население Квадары неуклонно росло, но, несмотря на все усилия, в остальных землях почва оставалась бесплодной.

Квадара была экосистемой, где каждый квадрант играл свою роль. Архея выращивала урожаи и добывала природные ресурсы; Эония разрабатывала новые технологии и лекарства; Лудия отвечала за искусство, моду и развлечения; а Тория налаживала между квадрантами торговлю. И вся система подчинялась Королевским законам.

От Археи зависело благополучие королевства, поэтому Айрис готова была защищать ее любой ценой. Чрезмерная обработка почвы заключала в себе большой риск. Разрушив Архею, они обрекут на голодную смерть всю Квадару.

Возможно, кто-то и считал Архею примитивной, но слабой она не была. Во всяком случае, пока престол принадлежал Айрис.

Губернатор выпятил нижнюю губу.

– Знаю, мы не должны использовать технологии других квадрантов…

– Так почему же ты до сих пор утомляешь меня своим присутствием?

– Я бы на твоем месте подумала, – сказала Маргарита, голос рассудка. Сорокалетняя королева Тории была старше названых сестер и дольше занимала престол. Ее последнюю встречу отменили, но уходить она не спешила, с любопытством наблюдая за аудиенцией других королев. Как и все торианцы, она никогда не упускала возможность узнать что-то новое о чужой культуре.

«Маргарита только попусту тратит время», – подумала Айрис, бросив на сестру-королеву нетерпеливый взгляд.

– Это не твоя забота, Маргарита, – мягко произнесла она. Как-никак докучливость была у торианцев в крови.

Маргарита заправила за ухо прядку каштановых с проседью волос.

– Если помнишь, однажды я попросила Кору создать вакцину, чтобы остановить распространение кровавой чумы. Иногда правилами нужно поступаться.

Айрис посмотрела на Кору. Ее черные волосы были заплетены в косы и убраны на эонийский манер. Золотая корона ослепительно сияла на фоне темно-коричневой кожи. Но двадцатипятилетняя королева Эонии не оглянулась при упоминании о достижениях ее ученых. Зато Стесса состроила такую гримасу, будто Айрис жутко ее раздражала. Скорее всего, так и было. Королеву Лудии, которой не было и семнадцати, раздражало все, что говорила и делала Айрис.

– Совершенно разные вещи, – сказала Айрис, словно не замечая злобного взгляда Стессы. – Чума истребила бы весь твой народ. Вакцинация была разовой мерой, она не подорвала устои твоего квадранта. Даже если я позволю архейцам временно использовать технику, сможем ли мы потом вернуться к старым порядкам? Я не стану так рисковать.

Маргарита понимающе кивнула, но ее губы тронула улыбка, как будто она считала, что Айрис возражает лишь из чувства противоречия.

– Нет, – сказала Айрис, поворачиваясь к архейскому губернатору. – Электричество не из нашего квадранта, поэтому мы никогда не будем им пользоваться. Не нужны нам автоматические машины с их колдовством.

Айрис видела, во что технологии превратили Эонию, и не допустит, чтобы та же участь постигла ее квадрант. Располагая лишь мерзлыми землями на крайнем севере страны, эонийцы выжили за счет развития технологий и генной инженерии. Взамен они почти потеряли способность чувствовать. По крайней мере, так ей казалось. Она снова невольно взглянула на Кору.

Губернатор покосился на электрические канделябры, освещавшие четыре прохода, которые вели в тронный зал. Со стороны казалось, будто Айрис пожинает плоды всех квадрантов, но губернатор не знал, что она до сих пор читает при свечах и купается в термальном источнике у себя в саду, хотя во дворце имеется горячее водоснабжение. Впрочем, обсуждать с ним личную гигиену она не собиралась.

– Что-нибудь еще? – поинтересовалась Айрис.

Губернатор покачал головой.

– Хорошо, – сказала она. – Если кто-то пожелает оспорить мое решение, вы знаете, где меня найти. Мои двери всегда открыты для моего народа.

С этими словами она удалилась, предоставляя названым сестрам завершить аудиенцию без нее.

Айрис решила провести остаток дня в личном саду. В детстве она часами гуляла по живописным окрестностям родительского дома, представляя, как будет править целым квадрантом. Уединение было ей по душе. Она думала, что хорошо подготовилась к правлению, и не ожидала, что кто-то сможет повлиять на ее решения.

Или чувства.

Дворец, как и все королевство, был разделен на четыре части, и сад находился в крыле Археи. Примостившись на вершине утеса, он выглядывал на пролив, отделявший остров от материка. Его разбили по приказу ее далекой предшественницы, захотевшей быть ближе к природе – к самой жизни. Закон запрещал королевам покидать пределы дворца – ради их безопасности и чтобы они не подвергались влиянию извне.

Айрис никогда больше не ступит на берег Археи, не насладится ее красотой, не увидит, как пасутся в горах оленьи стада.

Она села на лавку. Деревянные ножки чуть глубже ушли в землю, сиденье исчезло под длинным черным подолом. Она сняла тяжелую корону и поставила на столик. Запрокинула голову, зажмурилась, подставляя солнцу бледное лицо. Журчание термального источника навевало воспоминания о ручье неподалеку от ее прежнего дома.

Но туда она уже не вернется, поэтому придется довольствоваться тем, что есть.

По закону, до вступления на трон каждая королева должна воспитываться в приемной семье в том квадранте, которым однажды будет править. И хотя Айрис росла в скромном каменном домике, она ни в чем не испытывала нужды. Ведь нельзя нуждаться в том, чего никогда не видел и не ощущал. С самого

детства она старалась узнать как можно больше об Архее и ее обитателях. И, конечно, о темном прошлом Квадары.

Архея долгое время была избавлена от невзгод, выпавших на долю соседних земель. Пока торианцы не отправились в плавание на запад, о существовании зеленого острова никто и не подозревал. К тому времени природные ресурсы Квадары начали иссякать, народ отчаялся. Архея была лакомым кусочком.

Несмотря на то, что у каждого квадранта были свои сильные стороны, их все объединяла общая слабость. Зависть.

Так начались межквадрантные войны. Они длились почти десять лет и унесли тысячи жизней. Соседи с материка пытались завоевать Архею, но их замыслы были глупы. Эонийцы ничего не смыслили в животноводстве; нетерпеливые торианцы вечно рвались в море открывать новые земли; луды не стали бы пачкать затейливые наряды в грязи.

И тогда королевы-основательницы воздвигли между землями стены и положили конец войне. Стены позволили квадрантам развиваться независимо друг от друга и жить в гармонии.

Архея снова была в безопасности.

Когда Айрис стукнуло восемнадцать, ей сообщили, что ее мать, правящая королева Археи, умерла. До этого она ни разу в жизни не покидала остров. Айрис села на торианский корабль и поплыла во дворец. Она быстро освоилась в новом мире и в новой роли, приступив к обязанностям спустя считаные минуты после того, как ее мать похоронили в подземном зале дворца. В ту ночь она не смыкала глаз, изучая книги по архейской истории и дипломатии. Ничто не могло выбить ее из колеи. Даже смерть родной матери.

Айрис открыла глаза и посмотрела на лазурное небо. Приятно было вырваться из дворца. Гигантский купол окрашивал каждый зал и каждый предмет в нем в золотой цвет. Даже ночью коридоры были залиты тусклым янтарным светом, словно мрак не осмеливался прикасаться к королевам своими чернильно-черными пальцами.

Облака напомнили Айрис об отце. Не о том человеке, чья кровь текла в ее жилах, – о нем она ничего не знала, – а о том, кто ее воспитал. Когда Айрис была маленькой, отец рассказывал ей о всевышних королевах – покойных правительницах Квадары, наблюдающих за потомками из квадранта без границ. Гуляя в одиночестве, Айрис, бывало, поднимала глаза к небу и делилась со всевышними королевами своими тайными страхами и заветными мечтами, зная, что они никому не расскажут. Ее верные покровительницы.

А потом она попала во дворец и подружилась с другими королевами. Они вместе коротали вечера, часто засиживаясь допоздна, и рассказывали друг другу о своем детстве, семьях и родных краях. Айрис уже не чувствовала себя одиноко.

И все же часто смотрела в небо. Но сегодня она обратилась не к далеким предкам, а к приемному отцу, который умер много лет назад:

– Отец, я по-прежнему непреклонна, – сказала она. – Королевские законы были и будут превыше всего. Однако со временем я осознала, что некоторые статьи, относящиеся к королевам, ко мне лично, не несут никакой пользы. – Даже произносить это вслух было зазорно. Айрис помотала головой. Нужно быть сильнее, проявить твердость. – Мы королевы. Почему нам нельзя менять законы, которые не влияют на наши квадранты и не нарушают мир в стране? Почему мы не властны над собственной судьбой? – Она снова помотала головой. – Я продолжу бороться за Архею и защищать все, что у нас есть, но я хочу большего. – Вспомнив о прошении губернатора, она в третий раз помотала головой. – Большего не для Археи, а для себя. – Откуда в ней столько слабости?

– Я кое-что задумала. – Она тяжело вздохнула. – Слишком долго я молчала. Достаточно. Завтра все изменится. Королевские законы будут переписаны. Завтра я…

Айрис ужалила пчела. Болезненный укол в горло, за которым последовала ноющая боль. Недавно сад обработали спреем от насекомых. «Очередное гениальное изобретение эонийцев», – усмехнулась она про себя. Насекомые ей ничуть не мешали. Наоборот, в саду им самое место, но по настоянию советников их уничтожили – ради ее же безопасности.

Айрис расплылась в улыбке. Похоже, природа взяла над технологиями верх: пчелы выжили, несмотря на спрей. Ей не терпелось рассказать об этом Коре за ужином и позлорадствовать.

Боль усилилась, Айрис уже не могла глотать. Во рту накопилась слюна. Может быть, у нее аллергия?

Она поднесла руку к горлу и нащупала лоскутки распоротой кожи. Пальцы потемнели от крови. С губ сорвался булькающий стон.

Напротив нее кто-то стоял, обнажив в страшной улыбке белые зубы. Солнце играло на тонком клинке, с которого капала кровь.

Кровь текла и по ее шее. Айрис пришла в бешенство, но сделать ничего не смогла. Она покачнулась и смахнула со стола корону.

«Возмутительно! Я – королева Археи!

Никто не смеет покушаться на мою жи…»

Глава третья

Киралия

Макель Делор-младший сидел за массивным дубовым столом и, побрякивая перстнями, вертел в руках гладкий металлический футляр. Вид у него был хмурый. Заполучив коммуникационные чипы, он подозрительно притих, и его молчание длилось всю дорогу от Города Согласия до Аукционного Дома на полусгнившей торианской пристани. Я не видела его таким тихим с того дня, когда погибли его родители.

От Макеля-старшего ему достались темные волосы и бледная кожа, в остальном он был мало похож на отца. Болезненную худобу он скрывал под широкими жилетами, а чтобы казаться выше, носил котелки. И все же в нем была частичка отца, частичка того, кем он хотел стать.

Макель-старший мечтал о крепком, грозном наследнике, а получил тщедушного мальца. Он боялся, что сын не будет внушать клиентам конторы «Импорт и экспорт Делор» того же благоговейного страха, с каким относились к нему самому.

И напрасно.

Макель разглядывал футляр с таким выражением, будто чипы и пугали его, и приводили в восторг.

– Открывать не будешь? – поинтересовалась я.

– Зачем же портить товарный вид? – Он с улыбкой погрозил мне пальцем. – Ты же знаешь, котик, этого делать нельзя.

Я села в кресло напротив и тут же зашипела от боли.

– Потрескалась, фарфоровая куколка? – усмехнулся он. – Ты нам тоже нужна в товарном виде.

Я закатила глаза и осторожно потерла забинтованное колено. На мне была потрепанная черная юбка. Белую я отдала прачке, чтобы она отбила ее хорошенько и вывела кровь. Юбка была мамина, а у меня осталось от нее не так много вещей.

Последний раз я видела родителей полгода назад. Полгода назад с отцом случилось несчастье, после которого я сбежала из дома, не в силах смотреть матери в глаза. С тех пор я больше не оглядывалась на прошлое.

– Игра стоила свеч, – сказала я. Ради Макеля я пошла бы на что угодно. При разнице в возрасте всего в два года он был для меня не только другом, но и наставником. И единственным близким человеком.

– Вот и с тобой так, – вздернул подбородок Макель.

Я промолчала. Макель вечно меня подкалывал, но тут было непонятно, шутит он или нет. Может, он намекал, что нашей дружбе пора перерасти в нечто большее? Интересно, кого он видел, когда на меня смотрел? Для всех я была беззаботной торианской девушкой, но в душе у меня изо дня в день копилась тьма.

Похоже, он чувствовал это, и ему это нравилось.

Кабинет Макеля располагался на чердаке Аукционного Дома и окнами выходил на торианскую гавань. В лунном свете паруса казались призраками, парящими над темной водой. Мне всегда было любопытно, почему он выбрал комнату с видом на море. Попросту потому, что она принадлежала его отцу? Или потому, что хотел ежедневно бороться со страхом в надежде, что когда-нибудь перестанет бояться воды?

Макель потер шею. Иногда его сковывала паника, и ему казалось, что он идет ко дну. Он сам не понимал, какой он сильный. Не то что я. У меня не хватало смелости встретиться со страхом лицом к лицу. В любом помещении меньше моей тесной комнатушки за сценой аукционного зала меня бросало в дрожь. От одной мысли о замкнутых пространствах мне становилось трудно дышать.

Вот и теперь тревога ужом свернулась у меня в животе. «Вдох – выдох, – успокаивала я себя. – Куда есть вход, оттуда есть и выход».

– Сколько, по-твоему, за него можно выручить? – спросила я, чтобы отвлечься.

Макель положил футляр на стол и вынул что-то из кармана.

– Это тебе.

В руке у него лежала серебряная подвеска в форме кварты – монеты, служившей единой квадарской валютой. Когда я потянулась за наградой, он схватил меня за руку, и его черты исказились. Тьма, которая иногда тенью скользила по его лицу, словно вырвалась наружу, и мой друг исчез.

– Слишком долго копалась, – сказал он.

Я выхватила у него подвеску и откинулась на спинку кресла.

– По чьим это меркам? – парировала я. – Разве кому-то удавалось добыть чипы, не угодив за решетку?

– Твоя правда, – сказал он, копируя мою позу. Отцовское кресло было ему велико. Кабинет явно обставляли для человека покрупнее. Все в нем было на тех же местах, что и до кровавой чумы.

Эпидемию, поначалу казавшуюся простой морской болезнью, привезли торианские матросы, возвращавшиеся из Археи. Когда корабль причалил в порту и экипаж разошелся по домам, чума мгновенно распространилась по всему квадранту. Заболевание не знало пощады. Спустя считаные часы после контакта с зараженным глаза и уши начинали кровоточить. Кровь быстро сгущалась. Первой заразилась мать Макеля, потом – отец.

Макель помчался в эонийский медицинский центр в надежде получить дозу ГИДРы. ГИДРа, или гемотерапевтический исцеляющий дозированный раствор, была лекарством от всех болезней и самым ценным изобретением эонийских ученых. Но препарата хватало лишь на одного пациента в год, и достойного кандидата выбирали сами королевы. Преступнику и его жене рассчитывать было не на что.

Когда Макель вернулся домой, их уже не было в живых.

Прошло три года, но с тех пор мало что изменилось в «Импорте и экспорте Делор». Разве что теперь глаза Макеля угрожающе поблескивали, а его охрана заметно увеличилась. Сегодня его подручные – наполовину люди, наполовину чудовища – снова где-то пропадали, выполняя очередной приказ. Хоть бы они забыли дорогу домой!

– Спасибо, Кира, – сказал вдруг Макель, и я удивленно подняла глаза.

– Не за что?..

Я не знала, как реагировать на его перепады настроения, и ответ прозвучал скорее как вопрос. Мы дружили уже семь лет. Воровство начиналось как

захватывающая игра, которая к тому же позволяла набить карманы монетами. Макель был обаятельным двенадцатилетним мальчишкой, сулившим богатство, опасность и развлечения. А мне так всего этого не хватало…

Пока юный Макель играл с эонийскими чудесами техники и лакомился пышными лудскими булочками, мы с родителями ютились в мрачной, холодной хижине, довольствуясь похлебкой, которую мать готовила из подгнивших рыбьих голов и плавников. Отец владел небольшим судном, доставшимся ему по наследству, но лодка часто давала течь и путь между Торией и Археей проделывала с трудом, особенно в шторм. Неделю за неделей мы перебивались с хлеба на воду, но родители верили, что когда-нибудь дела пойдут в гору.

Предложение Макеля вступить в его шайку стало билетом в новую жизнь. Я согласилась не раздумывая.

Но последний год что-то подтачивало его, как морские волны, бившиеся о сваи. Куда делась улыбка, освещавшая его лицо? Может, смерть родителей преследовала его так же, как меня – несчастный случай с отцом?

Полгода назад я переехала в Аукционный Дом – в отдельную комнату, само собой. Я надеялась, что если мы будем жить под одной крышей, то снова сблизимся, как в детстве, когда мы были не разлей вода. Но он целыми днями где-то пропадал, не посвящая меня в свои дела.

– Ты молодец, – улыбнулся он.

Покатав монетку между пальцами, я прикрепила ее к своему воровскому браслету. Макель начал дарить мне подвески за особенно опасные задания около года назад, и их уже накопилось немало.

– Благодарю.

– У меня для тебя еще кое-что, – сказал он, протягивая письмо, при виде которого у меня душа ушла в пятки.

Без лишних слов я вскрыла конверт. Последняя весточка от матери была короткой, но ранила в самое сердце.

Киралия, милая!

Прошу, приезжай в больницу как можно скорее. Отец при смерти. Доктора говорят, что без ГИДРы он протянет от силы несколько недель. Пожалуйста, приходи попрощаться с отцом.

Люблю тебя. Мы скучаем. Ты нужна нам.

С любовью,

мама

Тяжело дыша, я сжала листок в кулаке.

Хотя дело было полгода назад, крики отца до сих пор раздавались у меня в ушах. Последним, что я от него услышала, было мое имя. Он выкрикнул его, почти как проклятье, а в следующее мгновение его выбросило за борт, и он ударился головой о камни. Никогда не забуду выражение маминого лица, когда она плакала над его бездыханным телом. Потом его увезли в медицинский центр.

Мама не отходила от его постели две недели, а когда вернулась домой, меня уже и след простыл. Она знала, куда я сбежала, и засыпала меня письмами, умоляя приехать в больницу, где ей предоставили временное жилье.

Но мама ошибалась. Я ей не нужна. Это по моей вине отец оказался на волосок от гибели. Без меня им будет лучше.

Знакомство с Макелем открыло передо мной другие возможности, а несчастный случай сжег последний мостик между мной и родителями с их обременительными ожиданиями. Я уже не могла вернуться домой, как бы мне этого ни хотелось.

– Что стряслось? – мягко спросил Макель.

– Отец при смерти.

– ГИДРы не предвидится? – мрачно поинтересовался он.

– Похоже, что нет.

В списке ожидания были тысячи имен. Эонийские ученые уже много лет пытались воссоздать лекарство, но пока что им это не удалось. Прошел слух, что оно и вовсе закончилось.

– Будь они прокляты, эти королевы, – сказал Макель, шлепнув ладонью по столу. – Я тебе сочувствую.

Я сделала глубокий вдох. Слезы иссякли еще полгода назад. Для меня все закончилось, как только папа ударился о камни.

Внезапно здание вздрогнуло и покачнулось. В Аукционный Дом повалил народ.

– Можешь не ходить на торги, – сказал Макель. – Я все пойму.

– Ну уж нет! – натянуто улыбнулась я. – Тогда я не узнаю, кто купил мои чипы.

Макель ухмыльнулся. От его мрачного настроения не осталось и следа.

– Тогда пойдем. Нельзя заставлять публику ждать.

Аукционный Дом стоял на пристани в дальнем и самом грязном конце торианской гавани. В детстве старое здание со сводчатыми потолками и широкими колоннами казалось мне великолепным дворцом. Теперь я знала о нем всю правду. Его давно пора снести. Соленый воздух разъел опоры, и дом покосился на правый бок. Запах гнилого дерева заполнял каждую комнату, включая мою каморку за сценой, где вдобавок ко всему вечно гулял сквозняк. Этот гнилостный смрад преследовал меня, подобно тени, куда бы я ни пошла. Как символично!

Народ стекался к Аукционному Дому с чуть более устойчивой части пристани, где располагались местные достопримечательности: душные игорные заведения, храмы наслаждений, а между ними, точно грибы на болоте, – сырые

и грязные пивнушки. Район пользовался дурной славой и носил название «Сваи». Словом, у наших соседей руки были запачканы не меньше, чем у нас самих.

В зале было так тесно, что каждый дышал кому-нибудь в затылок. Казалось, явится еще один человек – и все мы пойдем ко дну. Хотя шум голосов разносился по всей пристани, городские власти не обращали на него внимания. Они давно оставили Макеля с его махинациями в покое.

Торианская королева, напротив, собиралась закрыть «Сваи» уже не первый десяток лет. Недавно она объявила, что все-таки снесет пристань – якобы из соображений безопасности, но мы-то знали, в чем дело. Для королевы Маргариты мы были пятном на репутации «достойного» торианского общества, и ей не терпелось от нас избавиться. Может, поэтому Макель ходил такой хмурый?

Если так, он был не одинок. Днем, когда почти все заведения «Свай» были закрыты, а их владельцы должны были видеть десятый сон, из-за дверей доносились громкие, недовольные голоса. Голоса эти клялись отомстить докучливой торианской правительнице и разорить всех честных торговцев, если «Сваи» снесут. Что бы там ни говорила королева, наша помойная яма – сердце всего квадранта. Без нее Тория придет в запустение.

Впрочем, политика – это не мое.

Я стояла за кулисами и наблюдала за публикой. Переступив порог Аукционного Дома, люди забывали о приличиях, которые соблюдали за его стенами, изображая трудолюбивых мореплавателей и предприимчивых торговцев. Здесь поддавались тайным желаниям и темным порывам. Тела напирали друг на друга, мужики давали волю рукам, а под ногами у всех, точно канализационные крысы, сновали пронырливые дети. Идеальная тренировочная площадка для юных карманников. Любой, кто не попадется с поличным, пройдет к нам отбор.

Понятно, почему в детстве родители просили меня обходить это место стороной. Но мы жили у моря, и Аукционный Дом то и дело попадался мне на глаза.

Я всегда любила плавать и ненавидела ходить под парусом. До мачты я не дотягивалась, а морские узлы у меня не получались – пальцы слишком короткие. К тому же в отличие от отца с матерью, разгуливавших по палубе, как по

твердой земле, я вечно теряла равновесие. И чего их так тянуло в море? Лично я не видела ничего хорошего ни в ранних подъемах, ни в лютом холоде, ни в нескончаемой утомительной работе за жалкие гроши.

Вернувшись из плавания, родители усаживались у очага – в те дни, когда мы могли позволить себе развести огонь, – и предавались воспоминаниям, а я молила всевышних королев, чтобы в гавани разразился шторм и разнес их посудину в щепки. Став постарше, я часто просила, чтобы меня оставляли дома, а если они не соглашались, закатывала скандал.

Долгое время я и не подозревала, что можно жить по-другому, наслаждаться каждым днем, процветать. А потом познакомилась с Макелем.

Я плохо помню свой первый визит в Аукционный Дом. Помню только, что по всему телу пробежала сладостная дрожь. Я ходила между рядами и водила пальцами по дамским сумочкам, запускала руки в карманы мужских пальто. В тот вечер я ничего не украла – но могла, стоило только захотеть, и это стало для меня настоящим откровением.

Чуть позже, когда я болтала ногами на причале, и мои щеки, несмотря на мороз, все еще пылали от возбуждения, ко мне подошел Макель. Представился, протянул руку и предложил работу.

Я постаралась забыть о мамином письме и о ноющей пустоте в груди. Я сама ее создала, когда вслед за Макелем встала на путь тьмы. Поворачивать уже поздно.

Разглядывая толпу, я гадала, кому же достанутся мои чипы и какой будет моя доля. Торианцам не терпелось взглянуть на Эонию и ее продвинутые технологии, поэтому предложения будут сыпаться градом. Как и в других квадрантах, в Тории большинство эонийских технологий были запрещены из опасения, что они бесповоротно изменят наше общество. Но вкусить прелестей чужой жизни все равно хотелось.

Именно такую возможность и давали коммуникационные чипы. Нужно лишь положить чип на язык – и твои органы чувств переместятся во времени и пространстве. Ты погрузишься в воспоминание, настолько реальное, что его трудно отличить от действительности. Послание из чужой жизни.

Макель стоял в ложе – неуклюжей пристройке вдоль одной из стен. После смерти отца он установил на сцене тяжелый красный занавес, чтобы скрыть от публики стол с лотами, так что теперь зал торгов походил не на склад, а на лудский театр. Для Макеля вся жизнь была одним большим шоу.

Места в ложе он приберегал для самых ценных клиентов, которым не пристало сидеть среди грязных простолюдинов. Вот и теперь он провожал туда девушку в бархатном платье и синей шляпке, протянув ей руку и почтительно приподняв котелок. Мне стало тошно при виде обожания на ее лице. Макель посмотрел в мою сторону, и я быстро отвернулась, чтобы он не заметил, как я вспыхнула от ревности.

– Подвинься, – сказал Кирин, ткнув меня локтем под ребра. – Сначала мои лоты.

Я с радостью уступила ему место: от Кирина с его зловонным дыханием лучше держаться футах в десяти. Его светло-русые волосы торчали во все стороны, будто он пытался уложить их по последнему писку лудской моды. Выглядело нелепо. Мы, карманники, одевались просто – чтобы не выбиваться из толпы.

– До сих пор наручными часами занимаешься? – спросила я. Стать хорошим вором Кирину мешал высокий рост, скрыть который было невозможно. Но, надо признать, пальцы у него были ловкие и с любой застежкой справлялись в считаные секунды. – Сколько ты так уже? Лет пять?

– Захлопнись, Киралия, – огрызнулся он.

Я пожала плечами и заправила за ухо прядку волос.

– Не расстраивайся. Годик-другой, и тебе начнут доверять задания посложнее. Видишь, что у меня тут? – Я потрясла у него под носом браслетом с новой подвеской – знаком продвижения по службе. – Разгляди хорошенько. Может, вдохновишься.

На кожаном браслете Кирина одиноко болтались две подвески, а на моем уже не хватало места. Мать с отцом говорили, что мореплавание у меня в крови. Видели бы они, как я снимаю сумку прямо с плеча какой-нибудь дамы или очки с носа ничего не подозревающего старика! У меня в крови воровство.

– Не нужно мне такого вдохновения, – сказал Кирин, отталкивая мою руку. – Не все мы готовы на коленях обслуживать Макеля.

– Я не делаю ничего, кроме своей работы!

Я бессознательно сжала руку в кулак и замахнулась, но Кирин и глазом не моргнул.

– Ну да. Мы, по-твоему, слепые? – Он кивнул на других членов шайки, с интересом наблюдавших за перепалкой у него из-за спины. – Тебе достаются все лучшие задания.

– Потому что я лучше всех!

– Лучше всех работаешь ртом.

Я уже готова была кинуться на него с кулаками, но мое запястье схватила рука, от ногтей до костяшек увешанная перстнями.

– Что здесь происходит? – спросил Макель, переводя взгляд с одного лица на другое. Уголок его рта приподнялся.

– Ничего, – процедила я сквозь зубы. Мне не хотелось обсуждать эти слухи, пока мы с Макелем не расставим все точки над «i». – Кирин рассказывал о своем последнем трофее – восхитительных часиках из Лудии. – Я сладко улыбнулась. – Правда, Кирин?

– Неужели? – усмехнулся Макель и пошлепал меня по щеке. – Милая… – Шлеп! – Маленькая… – Шлеп! – Кира. – Шлеп!

Я вырвалась и отступила назад. Все это время Кирин, скотина такая, за нами наблюдал. Бывало, мы с Макелем засиживались у него в кабинете допоздна, обсуждая будущее Аукционного Дома, но между нами никогда ничего не было. Пару раз мы балансировали на грани чего-то большего, во всяком случае так мне казалось, но за последний год он, похоже, потерял ко мне интерес.

– Что я вам всегда говорю? – Голос у Макеля был властный, но приятный. Его взгляд по очереди задержался на каждом из нас.

– Не оставляйте товары без присмотра, – хором ответили мы.

Я для верности лягнула Кирина в голень. Он крякнул и отошел подальше.

– Вот именно, – сказал Макель, вертя в руках котелок. – Тем более что сегодня у нас отличный улов. Так давайте не отвлекаться.

Отличный улов? Я вопросительно взглянула на Макеля. Он так и не ответил, сколько можно выручить за чипы. Почувствовав на себе мой взгляд, он покосился на меня, быстро отвел глаза и почесал шею. Странно… Макель никогда не волновался из-за торгов. Теперь, после смерти отца, он ради них жил.

– По местам, мальчики и девочки, – скомандовал он. – Пора начинать!

С этими словами он выпорхнул на сцену. Его длинное пальто эффектно взметнулось.

– Какой-то он рассеянный, – прошептал мне на ухо Кирин, обдавая меня дурным запахом изо рта. – Вчера не задалось?

На этот раз я что есть силы наступила ему на ногу. Шипы с восхитительным звуком проткнули ботинок и впились ему в кожу.

– Сука! – простонал он, прыгая на одной ноге. – Когда-нибудь ты получишь по заслугам!

Я протиснулась мимо Кирина и его приятелей, застывших с разинутыми ртами, и бросила через плечо:

– Может, и так, но точно не от тебя.

«По крайней мере, пока на моей стороне Макель», – мысленно прибавила я и стала пробираться к выходу, чтобы наблюдать за происходящим

с последнего ряда. Огромный зал был забит под завязку, и на лбу у меня выступил пот. От духоты спасал только соленый ветерок, струившийся сквозь щели между досками.

Здание со скрипом накренилось, и зрители сделали несколько шагов влево, чтобы перераспределить нагрузку.

– Добро пожаловать в мой дом! – взревел Макель, заполняя своим голосом весь зал. – Сегодня вечером вы – моя семья. А семья заслуживает лучшего!

Реплика принадлежала еще его отцу, но публика неизменно радовалась ей, будто слышала впервые.

Свое подпольное дело мистер Делор построил с нуля. В юности, когда он был немногим старше Макеля, ему пришло в голову, что на любопытстве торианцев можно неплохо заработать. Не все могли позволить себе путешествовать в другие квадранты или покупать официально импортируемые товары, вот он и стал продавать привозные диковинки по сниженным ценам.

– Вам крупно повезло, – сказал Макель. – Сегодня мы собрали для вас все самое лучшее.

Он повторял эти слова каждый вечер, но на сей раз это была чистая правда. В зале поднялся гул, и я с улыбкой предвкушала начало торгов. По остроте ощущений они уступали разве что воровству. Мысли о мамином письме вылетели из головы.

– Пока мы не начали, позвольте напомнить вам правила аукциона. – Толпа застонала, как старый пружинный матрас. – Полноте, – прищелкнул языком Макель. – Я всегда говорю: сначала работа, а развлечения потом. – Он ухмыльнулся и мгновенно вернул расположение публики. Его тяга ко всему театральному не только не позволила конкурентам переманить клиентов его отца, но и увеличила число участников аукциона в разы. Что до конкурентов, те сами частенько заглядывали к нам на огонек. – Как вам известно, полную стоимость на месте у нас не выплачивают. Слишком большое искушение для нечистых на руку. – По толпе прокатился смешок. Участники аукциона прекрасно знали, каким путем добываются товары и что главные мошенники – сами устроители. – Чтобы лот закрепили за вами, достаточно внести

десятипроцентный залог. После торгов мои ребята проводят вас до дома и соберут оставшиеся девяносто процентов. Если нужной суммы у вас не окажется, они отнесут лот обратно, и на следующий день он снова будет выставлен на продажу. Но запомните: тем, кто со мной играет, я поблажек не делаю.

Зрители не догадывались, что Макель давал провожающим всего час, чтобы забрать деньги и вернуться в Аукционный Дом. За свои труды они получали пять процентов от вырученной суммы. Бывало, новички прикарманивали больше, чем им причиталось, или оставляли украденное добро себе. Раньше Макель за такое выгонял и лишал доли, но теперь с предателями разбирались его подручные.

Стоило мне только представить, какова на ощупь их кожа, или вспомнить их жуткие, целиком залитые черным глаза, и по спине пробегала дрожь. Они работали здесь уже два года, но я до сих пор к ним не привыкла. Под их влиянием Макель изменился. В детстве он, помнится, спасал из канализации крыс, а теперь сбрасывал туда трупы.

– Подручные немного увлеклись, – говорил он в таких случаях. Глядя в его полные мрака глаза, я спрашивала себя, не стал ли палачом и он сам. Сказать по правде, я не горела желанием узнать ответ.

Макель продолжил:

– Результаты аукциона не оспариваются. Если я увижу свой лот в другом торговом доме, скажем так: на порог этого дома вы больше не ступите.

Он широко улыбнулся, но смысл сказанного был ясен: «Тот день, когда вы попытаетесь меня надуть, станет для вас последним».

– И наконец, мое дело, мои услуги… – он улыбнулся еще шире, и его глаза заблестели, – и моя персона – это роскошь, доступная лишь торианцам, и ее надо ценить. Поэтому прошу вас не разглашать мое имя и имена моих работников. Секретность превыше всего.

Участники аукциона теряли терпение. Они все это уже слышали и хотели поскорее увидеть лоты. Поскорее урвать какую-нибудь диковинку из чужого квадранта. Лучше что-нибудь полезное, скажем лекарство, но сойдет

и безделушка на каминную полку на зависть гостям.

Но мечтой каждого торианца были коммуникационные чипы, способные показать жизнь в других краях.

Я вся взмокла, белье липло к телу. Давай уже, Макель! Хватит тянуть волынку!

– Ну что же, – сказал он наконец. – С делами покончено, пора начинать шоу!

Под бурные аплодисменты он рывком открыл занавес, и публика увидела первый лот. Сначала выставляли товары попроще: тканые одеяла, шали и носовые платки из Археи, картины, украшения и краски для волос из Лудии. Расходились они медленно – никто не хотел спускать все деньги в начале вечера. За часы Кирина – самую распространенную добычу карманника – дали лишь немногим больше первоначальной цены. Я тихонько усмехнулась. Сегодня Кирин не сорвет куш.

Макель хмурился, на его лице было написано разочарование. Он хотел предлагать покупателям только лучшее. Впрочем, для этого у него была я.

Участники аукциона были недовольны. Им хотелось большего. Новизны. Товаров из Эонии, самого необычного квадранта. Я подвигалась из стороны в сторону, пытаясь разглядеть за чужими шляпами сцену. До моих чипов очередь еще не дошла. Макель всегда приберегал самое ценное напоследок.

Когда он объявил следующий лот – рукав от эонийского органического костюма – толпа волной подалась вперед. Штука бесполезная, но куда интереснее часов. В разных концах зала стали подниматься руки. Я увернулась от чьей-то мокрой подмышки, маячившей у меня перед лицом, и тут мой взгляд упал на него.

Он неподвижно стоял в самой гуще возбужденной толпы. На нем была мятая белая рубашка и синий жилет, а на голове – поношенный цилиндр, надвинутый на лоб. Но я сразу его узнала – из-под воротника выглядывал черный органический костюм.

Это был гонец.

Он пришел за чипами.

Глава четвертая

Кора, королева Эонии

Статья вторая: «Чувства и отношения затуманивают разум. Эонийцы должны посвятить себя развитию технологий, медицины и общества в целом».

О смерти архейской правительницы Коре доложили, едва она открыла глаза. Сон мгновенно растворился в полумраке спальни, и Кора в ужасе села в постели. Днем, когда аудиенция закончилась, она ушла в свои покои, чтобы немного вздремнуть. Условности страшно ее утомляли.

– Что? – переспросила она. Возле кровати с балдахином стоял, повесив руки вдоль тела, ее толстопузый советник. – Что ты сказал, Кетор?

– Королева Айрис умерла, моя королева, – повторил он, стараясь не смотреть на ее обнаженное плечо.

Эонийцы расставались с органическими костюмами только на время сна. Кора наслаждалась – если не сказать упивалась – ощущением свободы, которое дарила нагота. По эонийским меркам Коре явно не хватало скромности, но ее это нисколько не заботило. А сейчас и подавно.

– Нет, – сказала она. – Не может быть.

– Боюсь, это так, моя королева. Ее обнаружили в саду несколько часов назад.

– И врачи ее не спасли? – спросила она дрожащим голосом.

– Не успели, – ответил Кетор, уставившись в пол. – Когда они прибыли, королева уже была мертва.

Найти ключ к бессмертию не могли даже эонийские ученые, хоть они и пытались. Однажды.

Кора встала с постели и без тени смущения подошла к креслу, где лежал золотой органический костюм. Впрочем, и тот скрывал не много. Когда Кора надела его, золотая материя пришла в движение, обтягивая плавные изгибы ее тела. Камеристка Коры, молоденькая архейка, тоже была тут. По ее щекам расползлись красные пятна, а глаза были мутными от слез. Архейцев среди дворцовой прислуги было много, потому что они самые ответственные и трудолюбивые работники.

Кора взяла с прикроватного столика кулон с золотыми часами – подарок на коронацию – застегнула цепочку на шее и спрятала за воротник. Камеристка убрала ее густые черные волосы в пучок и закрепила на голове тяжелую корону. Пользуясь тем, что никто не видит ее лица, Кора зажмурилась и попыталась отогнать нахлынувшие эмоции.

– Как это произошло? – спросила она, немного успокоившись.

Айрис едва минуло тридцать; ее здоровье было таким же крепким, как и ее воля. Хотя она все детство провела на острове, вдали от эпидемий, которые часто вспыхивали на материке, ее организм противостоял любым местным вирусам.

«Я сплю, и мне снится кошмар, – подумала Кора. – Это все не по-настоящему».

Коре захотелось нырнуть под одеяло. Айрис не умерла, это невозможно. Айрис всегда будет здесь, как дворцовые стены, возведенные для их защиты. Ей нельзя умирать.

Кетор медлил с ответом, и она вопросительно на него посмотрела. На его румяных щеках не было следов слез.

– Ее убили, моя королева, – ответил он наконец.

– Убили? – Кора зажала рот рукой.

За всю историю Квадары ни одна королева не умерла в этих стенах насильственной смертью. Последнее покушение было несколько столетий назад, когда бушевали межквадрантные войны, а королевы свободно разъезжали по своим владениям. Но это было до Королевских законов. Теперь ступить за пределы дворца означало лишиться трона. Закон был принят не только ради безопасности королев, но и для того, чтобы они не поддавались влиянию народа. Ибо у недовольных самые громкие голоса.

– К несчастью, это так, – подтвердил Кетор.

Советник держался холодно и безучастно. Он тоже был эонийцем. Закон требовал, чтобы королевы выбирали советников и советниц из числа своих земляков. Только так можно сохранить самобытность квадрантов.

– Всевышние королевы! – воскликнула Кора, опираясь на столбик кровати. Кетор, уж конечно, простит ей проявление эмоций после такого потрясения. – Как?

Кетор откашлялся.

– Подробности весьма неприятны, моя королева, – сказал он и больше ничего не прибавил.

– Докладывай.

Айрис не стало. Не время себя щадить.

– Ей перерезали горло, моя королева.

С ее губ невольно сорвался приглушенный крик. Стало трудно дышать. Она закрыла глаза, чтобы обуздать эмоции и взять себя в руки.

– Кетор, что ты себе позволяешь! – ужаснулась камеристка.

Кора замотала головой. Советник просто сказал правду. Ведь он все-таки был эонийцем.

– Нет-нет, я сама спросила. Мои дальнейшие действия?

Еще немного – и ее оставят в покое. Тогда можно будет дать волю чувствам.

Скорбь. Коре еще не приходилось ощущать ее тяжесть. В Эонии внезапная смерть была большой редкостью. Благодаря передовым медицинским технологиям эонийцы жили долго, не зная ни болезней, ни старческих недомоганий. У людей с генетическими аномалиями жизнь была короче, но даже их смерть не была непредвиденной. В Эонии ничего не пускали на самотек. Кора будет править квадрантом, пока не умрет на девяностом году жизни, если, конечно, не отречется от власти.

– Я пришел пригласить вас в тронный зал для обсуждения судьбы архейского престола, – сказал Кетор.

Времени на скорбь нет.

– У королевы Айрис не было детей, – сказала Кора, и Кетор кивнул. Сколько бы мужчин ни приводили во дворец, ни один из них не пришелся Айрис по душе.

– Что будет, если наследница так и не найдется?

– Я не знаю, моя королева, – произнес он с возмутительным спокойствием. – Нас ожидают в тронном зале.

Она не подаст виду, что весть о смерти Айрис разбила ей сердце. Эонийцы не скорбят. Для этого нужны глубокие чувства. Эонийцы – народ сплоченный, но хладнокровный. Во главе угла у них логика и знание.

– Так чего же мы ждем? – сказала она.

Когда Кора вошла в зал, Маргарита уже сидела на троне. На ней было традиционное траурное платье ее народа, а лицо почти полностью закрывала вуаль. Коре захотелось побежать ей навстречу, но она заставила себя идти размеренным шагом. Стесса еще не пришла – должно быть, добавляла последние штрихи к маске смерти, которую луды наносили на лицо, чтобы почтить память усопших. Она вечно опаздывала на собрания, но сегодня Кору это не раздражало. В шестнадцать человеку еще рано сталкиваться с такими

кошмарами.

Кора подошла поближе, и Маргарита подняла вуаль. Кора вздрогнула. У торианской королевы всегда были тонкие черты и чистая алебастровая кожа, но теперь ее лицо опухло и пошло пятнами. Она выглядела старше своих сорока лет.

Маргарита встала и обняла ее. Кора этого даже не заметила, пока не вдохнула цветочный аромат ее духов.

– Как ты? – спросила Маргарита, вглядываясь ей в лицо. – Перекусила хотя бы? Еле стоишь на ногах.

Кора сделала над собой усилие и кивнула. К горлу подкатил ком. Маргарита легонько сжала ее плечи, но сквозь эонийский костюм Кора не чувствовала тепла ее прикосновения.

– Нам нужно заботиться друг о друге, – сказала Маргарита. – Ведь у нас больше никого нет. – Уголки ее губ опустились, между бровей залегла складка.

– Да, – ответила Кора, стараясь заглушить боль в груди.

Советники поставили три трона в одну линию и повернули в сторону Археи. Кора никогда не видела, чтобы троны стояли не по кругу. Она застыла в нерешительности. Все три выглядели одинаково и в то же время незнакомо.

– Возле меня, дорогая, – сказала Маргарита, кивнув на соседний трон. Кора непонимающе уставилась на нее. Между ними должна сидеть Айрис. Маргарита погладила ее руку, обтянутую перчаткой из органического материала, и Кора поджала губы, сдерживая не то улыбку, не то гримасу. Маргарита явно была разочарована, но если ей хотелось погоревать с кем-нибудь на пару, она обратилась не по адресу. Эонийцы считали, что эмоции путают мысли и затуманивают разум, а это препятствует прогрессу.

Кора сделала глубокий вдох и села на трон. Какой же непривычный отсюда открывался вид! Кора всегда сидела лицом к северу, к любимой Эонии, а теперь троны повернули на запад, в сторону Археи и Тории, и от этого ей стало

неуютно. Хотя тронный зал не был разделен на части, она чувствовала, где начинается и заканчивается ее квадрант. С нового места был хорошо виден нарисованный на полу торианский герб с большим рыболовным крючком посередине. Слева от крючка был изображен корабль на волнах, а справа – подзорная труба, символизирующая страсть торианцев к путешествиям и торговле. Дальше начинался сектор Лудии, украшенный легкомысленной эмблемой с изображением солнца и месяца в окружении лент, гирлянд и драгоценных камней.

Кора дотронулась до нашивки у себя на плече – двойной спирали ДНК, олицетворяющей единство ее народа, – и приказала себе успокоиться.

Советники стояли чуть поодаль и озабоченно переговаривались, постоянно друг друга перебивая. Никогда прежде правительница Квадары не умирала бездетной. По закону, каждая королева должна произвести на свет наследницу, прежде чем ей исполнится сорок пять лет. Такая судьба ждала и Кору, и ее будущую дочь.

У каждого квадранта должна быть своя правительница, иначе границы между землями, долгие годы служившие залогом всеобщей безопасности, просто-напросто начнут размываться. Никому не хотелось, чтобы кровавая история Квадары повторилась, и многие верили, что именно королевы, правящие вместе, но врознь, поддерживают в стране мир. Квадара намного богаче соседей, и если она ослабеет, из-за моря пожалуют незваные гости.

В зал прошествовала королева Стесса, и советники притихли. На голове у нее была усыпанная каменьями корона, а черные короткие волосы были эффектно взъерошены и, по мнению Коры, смахивали на воронье гнездо. Медная кожа Стессы была расписана причудливыми бордовыми узорами, а траурную ленту она повязала не на плечо, а на шею. Оделась она скромно – во всяком случае, для лудки – в простое коричневое платье. Цвет платья символизировал землю, наше последнее пристанище, хотя квадарских правительниц, конечно, погребали не в земле, а в королевских гробницах, куда вели лабиринты подземных ходов.

Стесса поклонилась названым сестрам и опустила карие глаза в пол. Образ завершали выкрашенные в красный цвет веки. Кора поежилась. Как хорошо, что в Эонии не было ни странных ритуалов, ни вычурных нарядов. В северном квадранте привлекать к себе внимание значило проявлять неуважение по

отношению к окружающим. Утрата была поводом для тихих размышлений, не более.

– Прошу простить мое опоздание, – сказала Стесса, занимая трон, и, хотя на ее лице в буквальном смысле слова была нарисована скорбь, настоящих следов печали Кора не заметила. Похоже, младшая королева не слишком-то переживала из-за смерти Айрис. Конечно, они были знакомы всего год. К тому же луды были народом странным и получали удовольствие от самых неожиданных вещей. Для них все было забавой, все было поводом закатить пирушку и нацепить нелепый костюм.

Интересно, испугается ли Стесса собственной смерти, размышляла Кора, или для нее это будет очередная игра? Эонийцы не должны верить ни в жизнь после смерти, ни в квадрант без границ, и все же Кора во все это верила и надеялась, что однажды воссоединится с матерью. А теперь и с Айрис.

– Начнем же, – велела Маргарита.

Начинать без Айрис было как-то неправильно, будто этим они предают ее память. Советники разошлись по местам, и, хотя ровный голос Маргариты действовал успокаивающе, все будто воды в рот набрали.

– Ну и? – сказала Стесса после затянувшейся паузы. – Что теперь?

Вперед выступила архейская советница, высокая и довольно суровая на вид женщина с седыми волосами.

– Позвольте говорить за мою королеву и за Архею.

Кора, Маргарита и Стесса переглянулись.

– Говори, Алиса, – кивнула Маргарита.

– Благодарю, – ответила та. – Как известно, королева Айрис не оставила наследницы. Она пыталась забеременеть, но ее связи не были плодотворны.

Чушь. Ни в какие связи Айрис не вступала.

Кора бросила взгляд на Маргариту. Несмотря на многолетние старания, королева Тории тоже не произвела на свет потомство. Даже эонийские лекарства не помогли ей выносить ребенка. Поползли слухи, что ей уже ничто не поможет.

Страной всегда правили четыре королевы – по крайней мере, так было последние четыреста лет, с тех самых пор, как десятый квадарский король взял в жены четырех женщин, по одной из каждой земли. «Чтобы вкусить все прелести Квадары», – сказал он, и эти слова вошли в историю. Вскоре король умер, и, поскольку у него не было наследников, престол заняли четыре королевы, и каждая правила своей родной землей. Так было проще для всех.

Маргарита подалась вперед и окинула приближенных взглядом.

– Закон, разумеется, такие случаи предусматривает? – спросила она у своего советника, рослого парня по имени Дженри.

– Да, моя королева, – кивнул он. – Согласно Королевским законам, в отсутствие прямой наследницы престол переходит к ближайшей родственнице усопшей.

Кем окажется эта родственница, не так уж важно. Главное, чтобы престол не пустовал. Тогда они продолжат дело, начатое первыми королевами.

Кора чувствовала, как все вокруг напряжены. Нужно отыскать наследницу прежде, чем о смерти архейской королевы узнает народ. Без правителей не будут соблюдаться законы, а без законов страна развалится. Без законов обретут голос те, кто считает, что с суверенитетом квадрантов пора покончить, а стены между ними – разрушить. Без законов на торианских «Сваях» начнутся волнения, и местные начнут требовать, чтобы им разрешили свободно перемещаться по всему королевству.

Маргарита старалась идти народу навстречу. Торианцам по-прежнему было позволено управлять межквадрантной торговлей, но им этого было мало.

– Мы сейчас же начнем искать родственниц покойной королевы, – сказала Алиса.

– Покойной? – фыркнула Стесса. – Айрис убили! Ей перерезали горло! О каком покое ты говоришь?

– Прошу прощения, я неудачно выразилась, – ответила Алиса, уставившись в пол.

– Стесса, нам всем сейчас нелегко, – сказала Маргарита. – Не вымещай чувства на советниках. Они скорбят, как и мы.

– Твой возраст не дает тебе право говорить со мной в таком тоне, – вспылила Стесса. – Ты мне не указ. Ни мне, ни Лудии.

– Я не хотела тебя обидеть, – сказала Маргарита, потянувшись к ней через Кору.

– Так научись себя сдерживать, – буркнула Стесса, и Маргарита отдернула руку, как ужаленная. – Стоило одной из нас умереть, и ты сразу принялась продвигать свои интересы.

– Свои интересы? – раздраженно переспросила Маргарита, откинувшись на спинку трона. – Мои интересы – это мой квадрант, мои сестры-королевы и Квадара. Вот и все.

– Как бы не так! – воскликнула Стесса. – Для тебя это возможность усилить свое влияние! Вы, торианцы, вечно суете нос в чужие дела. Почему вы не можете оставить других в покое?

– Достаточно, – сказала Кора, вставая с места. – Не будем кидаться друг на друга. – Айрис была самой сильной из них. Ее еще не похоронили, а они уже переругались. – Почему никто и словом не обмолвился о том, что с ней произошло?

Маргарита отвернулась от Стессы и покачала головой. Это только в первые месяцы правления Стесса нуждалась в материнской опеке, теперь же любое слово торианской королевы она встречала в штыки.

– Простите, королева Кора, – начала было Алиса. – Я думала, вы слышали. Ей перерезали…

Кора жестом оборвала ее.

– Я не об этом. Мы так и не знаем, кто это сделал. Почему мы ссоримся, как малые дети, когда по дворцу, возможно, разгуливает убийца?

Неужели самое важное заботило ее одну?

– Убийца? – повторила Стесса, вжавшись в трон, подобно раненому зверьку.

– Убийства без убийцы не совершаются, – прямо заявила Кора. – Не будь такой наивной. – Сначала она хотела сказать «не будь ребенком», но потом передумала: зачем задевать девочку за живое? К тому же не в ее характере поддаваться минутным порывам. Она человек спокойный. Сдержанный.

Кора вспомнила любимую поговорку матери: «Правь твердой рукой и со спокойным сердцем».

– Разумеется, найти архейскую наследницу мы обязаны, – сказала она, поглаживая кулон с часами, спрятанный под органическим костюмом. – Но не будем забывать, что нас сюда привело. Нужно выяснить, кто убил Айрис и почему.

– Она была, мягко говоря, не подарок, – пробормотала Стесса, разглядывая ногти, выкрашенные в черный цвет.

Да, Стессе от нее досталось. Айрис относилась к темпераментной лудской королеве с неодобрением и часто говорила, что Стесса слишком мала, чтобы воспринимать свои обязанности всерьез.

– А еще ей хотелось большего, – добавила Стесса, и ее взгляд скользнул по законам на мраморных стенах. – Неположенного.

– О чем это ты? – спросила Кора, уставившись на лудскую королеву.

Та отвела взгляд.

– Ты же знаешь, какая она.

Но Стесса что-то не договаривала. Ее черные брови нахмурились, и краска на лице пошла трещинами.

За Айрис никто не вступился, и сердце Коры провалилось куда-то в желудок. Наконец, после долгой паузы, Маргарита спокойно сказала:

– Айрис была хорошей королевой. Кора права: нужно понять, как убийца проник во дворец незамеченным и как ему удалось скрыться.

– Я займусь этим, королева Маргарита, – сказала Алиса.

– Нет, – возразила Кора, и все лица повернулись к ней. Она убрала руку с кулона и продолжила: – Нам нужен человек со стороны, не имеющий никакого отношения к дворцу.

И к убийству.

Ее сестры-королевы одобрительно закивали.

– Я сию же минуту вызову инспектора, – сказала Кора. – Мы узнаем правду.

Глава пятая

Киралия

Я задумчиво смотрела на поношенный цилиндр гонца. Что он задумал? Потребовать чипы у Макеля? Выкрасть обратно?

Или выиграть на аукционе?..

Нет, такой лот ему не по карману. За чипы развернется ожесточенная борьба, ведь ради шанса взглянуть на Эонию торианцы пойдут на что угодно. Хотя сама я чипы никогда не принимала, я знала, что при просмотре записанных на них

воспоминаний создается ощущение полного присутствия.

Гонец поступил глупо, явившись на торги. Подручные Макеля не заставят себя ждать. Им даже не придется пачкать руки: мальчишка удерет в свой безупречный, вылизанный квадрант от одного их вида.

Похоже, никто так и не заметил, что в толпу торианцев затесался чужак. Но я узнала бы в нем северянина, даже если бы у него из-под воротника не торчал органический костюм. Его выдавала манера держаться: уж слишком он был спокоен, слишком хорошо владел собой. Не то что непоседливые торианцы. У нас на спокойствие не было времени. Такую роскошь мы себе позволить не могли. К тому же у него были слишком правильные черты: высокие скулы, выдающийся подбородок, безукоризненная кожа. Он явно выбивался из толпы чумазых моряков, которые пришли сюда прямо с корабля, принеся вместе с изъеденными солью монетами запах пота и рыбный душок.

Гонец явно ждал, когда чипы выставят на продажу, но что он собирался делать дальше, понять было трудно. Мои размышления прервал мелодичный голос Макеля:

– Это, мои дорогие торианцы, был наш последний лот. – Публика недовольно загудела, и он замахал руками: – Ну-ну, не капризничайте! К завтрашнему вечеру мои ребята соберут горы добра на любой вкус. – Он поджал губы и слегка приподнял котелок. – Отсюда никто не уходит с пустыми руками!

Это еще что такое? Я оторвала взгляд от гонца и сердито уставилась на Макеля. Где мой футляр с чипами? У Макеля товары не залеживались. Он сразу сбывал их с рук, не дожидаясь, пока в Аукционный Дом нагрянут законные владельцы.

Или всякие там гонцы.

Зрители зашаркали к выходу. На короткое мгновение им позволили заглянуть в чужие миры, а теперь пора возвращаться к обыденности. Я отошла от дверей и стала искать глазами гонца, но его нигде не было.

И о чем только думал Макель? Может, он уже пообещал чипы губернатору Тэйну или какому-нибудь другому важному клиенту, который слишком дорожил репутацией, чтобы лично присутствовать на торгах?

– Ты! – раздалось у меня из-за спины. Затылок защекотало чье-то дыхание. Я обернулась. Передо мной стоял гонец. Его темные кудри были убраны под шляпу, а светлые глаза по-кошачьи сияли в полумраке, точно два лунных камня.

Не успела я рта раскрыть, как он схватил меня за рукав, потащил в пустой коридор, прижал лицом к стенке и приставил к затылку какой-то длинный прибор. Электрический дестабилизатор, догадалась я. Об этой штуке я была наслышана.

– Где мои чипы? – спросил он.

Я не шевелилась: один разряд – и в лучшем случае я рухну без чувств. Дестабилизаторы использовали пограничники, когда кто-то пытался тайком пробраться в чужой квадрант. Если поставить слабый режим, человек потеряет сознание, а также содержимое кишечника. Если выбрать самый сильный, у него расплавятся внутренние органы и мозги.

– У меня их нет, – ответила я, едва двигая губами. Мои внутренности были мне дороги.

Дестаблизатор упирался мне прямо в затылок. Где же подручные Макеля, когда они так нужны?

– Ты обманула и обворовала меня. Скажи, где чипы, и я не стану нажимать на кнопку.

– Нажми на кнопку, и окажешься в полной жопе. – Гонец недовольно хмыкнул. В Эонии ругательства были запрещены, потому что считались проявлением эмоций. Но когда подоспеют подручные, ему будет уже не до вежливости. – Нажми на кнопку, и чипов тебе не видать.

Он надавил на дестабилизатор, и я почувствовала легкое покалывание.

– Мне нужен футляр с чипами, – сказал он.

– Говорю же, у меня его нет.

– Даю тебе десять секунд.

– Это правда.

Он развернул меня и заглянул мне в лицо.

– Тогда где же он? Почему его не было на аукционе?

– Убери дестабилизатор и узнаешь.

Он внимательно посмотрел на меня и опустил оружие.

– Ладно, идет. Отведи меня туда, где он хранится.

– Стой тут, а я узнаю, когда его выставят на продажу.

– Нет, мы так не договаривались.

Ха! Ну конечно же! Для эонийца обещание сродни клятве на крови. Используем его нравственные принципы против него самого.

– Поверь, с Макелем тебе лучше не встречаться, – сказала я, заправляя волосы за ухо. – Он с тебя шкуру сдерет. Я разузнаю, когда чипы выставят на продажу, и ты сможешь за них побороться.

Он посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

– Ты хочешь, чтобы я выкупил то, что ты у меня украла?

– Так уж тут все устроено, – пожала плечами я.

– В Эонии все устроено по-другому.

– Ты не в Эонии, – сказала я, невинно хлопая ресницами.

– Футляр с чипами принадлежит мне. Моему работодателю.

Он поправил приборчик, закрепленный у него за ухом. Это была коммуникационная линия, позволяющая общаться на расстоянии. Еще одно эонийское чудо техники.

– А теперь он принадлежит мне, – кротко улыбнулась я.

– Ты, похоже, не понимаешь меня.

Нет, это он меня не понимал. Предателей Макель не жаловал. Иногда даже за мелкие провинности выгонял взашей. Если он меня вышвырнет, домой я вернуться уже не смогу. Пусть уж лучше на меня злится гонец, чем Макель. И все же за внешним спокойствием эонийца сквозила легкая паника.

– Мне жаль, что так вышло, – сказала я, хотя, если честно, мне было все равно. – Мне велели тебя обчистить, вот и все. Теперь чипы у Макеля, и единственный способ вернуть их – это выиграть аукцион.

Гонец отпустил меня – должно быть, понял, что я говорю правду.

– Если я не доставлю футляр с чипами, – тихо сказал он, уставившись на заплесневелые половицы, – меня уволят. – Он поднял опушенные черными ресницами глаза и так на меня посмотрел, что по спине побежали мурашки. – А если я останусь без работы, мой день смерти перенесут на более ранний срок.

День смерти?

Заметив мое замешательство, он пояснил:

– Считай, что я труп. Прошу, помоги мне. Я отдам за чипы что угодно.

Я окинула взглядом Аукционный Дом. Пол был усыпан обертками и заплеван табачной жвачкой, а по залам сновали дворняги, вынюхивая еду. Они ссали и гадили повсюду, и эти миазмы смешивались с пропитавшим весь дом запахом гнили и немытых тел. Без Макеля с его фокусами и мишурой Аукционный Дом представал в своем истинном виде, и все же это были родные пенаты.

– Очень жаль. – На этот раз я говорила искренне. – А что на чипах?

Дом Согласия был единственным местом, где под одной крышей собирались эонийцы, торианцы, архейцы и луды, а значит, на чипах было какое-то ценное воспоминание. Может, оно принадлежало кому-то из обитателей дворца?

– Меня не посвящали в подробности, да это и не важно, – сказал он. – Мне просто нужно их вернуть.

– Хорошо.

Я огляделась в поисках кого-нибудь из наших, но все ушли провожать победителей аукциона. Все, кроме меня.

– Хорошо, – повторила я. – Я схожу за футляром, а ты жди здесь.

– Нет, я пойду с тобой. – Он нажал на кнопку на переговорном устройстве и сообщил человеку на другом конце линии: – Скоро они будут у меня. – Эонийцы, как известно, истерик не закатывают, но его собеседник, похоже, был вне себя от ярости. Гонец молча выслушал его, а потом встретился со мной взглядом и произнес: – Доставлю завтра утром первым делом. – Затем он еще раз нажал на кнопку, и приглушенный голос на том конце затих.

Размечтался! У меня и в мыслях не было красть для него футляр. Я просто хотела отвязаться от него и найти Макеля – уж он-то во всем разберется.

– Говорю же, это плохая затея. Стой тут, а я принесу твои чипы. – Я сдобрила вранье своей самой очаровательной улыбкой. – Честное слово!

– Я тебе не верю, – сказал он, и я его не винила.

– Если Макель увидит тебя, то сразу поймет, зачем ты пришел. – Я многозначительно посмотрела на его наряд. – Может, толпу тебе и удалось обмануть, но его ты не проведешь.

Он смерил меня долгим взглядом и сказал:

– Только быстрее.

И почему меня вечно все торопят?

Кабинет Макеля пустовал, но я знала, что он где-то поблизости.

Краденое добро он хранил за картиной лудского мастера – городским пейзажем с лабиринтом каналов и мостов, – которую мистер Делор украл в начале своей воровской карьеры. Мы с ребятами знали, что за картиной сейф, но лазить туда не осмеливались.

Я плюхнулась в кресло Макеля и стала ждать. Отсюда гавань выглядела иначе. Красиво. Корабельные фонари сияли в черной воде, как звезды в ночном небе, и, если не обращать внимания на запах, можно было представить, что перед тобой простираются созвездия. Макель был властелином этого ночного мира, но в его владения могла в любой момент вторгнуться торианская королева.

– Что ты делаешь?

Я подпрыгнула на месте и обернулась. В дверях стоял гонец.

– Я же просила тебя никуда не ходить! – выдавила я, переводя дыхание. Обычно никому не удавалось застать меня врасплох.

– Ты нашла чипы?

– Устала. Решила передохнуть. – С этими словами я закинула ноги на стол.

Он подошел поближе и наставил на меня дестабилизатор.

– Хватит тянуть время.

Именно этим я и собиралась заниматься до прихода Макеля с подручными, и у меня бы все получилось, не взгляни я ненароком на лудский пейзаж.

Гонец проследил за моим взглядом и подошел к картине. Пробежав пальцами по широким мазкам, он снял ее со стены.

– Интересно, – сказала я, разглядывая голую кирпичную стену, – куда же подевался этот футляр? – Я старалась не слишком злорадствовать.

– Это эонийский сейф, – сказал гонец. Он дотронулся до стены, и кирпичи засверкали, словно отражая неизвестно откуда падающий свет.

Когда это Макель успел обзавестись эонийским сейфом? И зачем? Наверняка это как-то связано с чипами. Какое же там должно быть воспоминание, если он так над ними трясется?

– Открывай, – потребовал гонец, кивая на сейф.

Я положила руку на стену, и кирпичи снова засверкали.

– Как я, по-твоему, должна это открыть?

– Открывай, и я тебя не трону, – раздраженно вздохнул он.

Я подняла руки.

– Я серьезно! Эта штука мне не по зубам.

– Ты воровка, – с отвращением сказал он.

– Лучшая из лучших, – ухмыльнулась я.

– Так взломай его.

Он сделал шаг вперед, тыча дестабилизатором мне в лицо. Я попятилась.

– Давай-ка сбавим обороты. Я понятия не имею, как работают ваши эонийские технологии.

Чтобы защититься от соседей, некоторые местные дельцы оснащали свои кабинеты эонийским охранным оборудованием. Я слышала о нем, но никогда прежде не видела.

– Сейф синхронизирован с мыслями владельца и откроется только по его желанию, – объяснил гонец.

– Макель ни за что его не откроет, – сказала я.

Где же он пропадает?

– Сейф сделан с использованием тех же микроорганизмов, что и мой костюм. Они наделены сознанием, – продолжил гонец, как будто меня не слышал.

– Все это чрезвычайно интересно, – махнула я рукой в сторону стены, – но совершенно бесполезно. Как ты сказал, я воровка, а не гипнотизер, и вводить в транс всякие там сейфы я не умею.

Секундочку! Не умею, но от меня этого и не требуется.

– Дай сюда дестабилизатор.

– Нет, – сказал гонец, глядя на меня как на умалишенную.

– Я могу открыть сейф, – объявила я, подбоченившись. Хотя ничего подобного, конечно же, делать не собиралась. Заполучив дестабилизатор, я огрею током его самого.

Гонец посмотрел на сейф, затем на прибор у себя в руке и ахнул. А он не такой кретин, как можно подумать при взгляде на его каменную физиономию. Он снял шляпу и пробежал пальцами по черным кудрям.

– Не могла бы ты отойти?

– Ну, раз уж ты такой вежливый…

Он приставил дестабилизатор к стене и нажал на маленькую кнопочку в нижней части прибора. Мелькнула полоска ярко-голубого света, и кирпичная кладка исчезла. Микроорганизмы были в отключке.

Я так увлеклась, что совсем забыла, где нахожусь. Меня вовсе не заботило, что вот-вот вернется Макель и застанет нас на месте преступления.

Теперь в стене зияла огромная дыра. Я прищурилась. Раньше тайник не был таким большим. Должно быть, Макель отвел под него часть соседней комнаты – собственной спальни. Почему он ничего мне не сказал? Сколько еще у него от меня секретов?

Гонец включил встроенный фонарик, и в круге света мы разглядели уставленную полками нишу. На ближних полках почти ничего не было, поэтому футляр сразу бросался в глаза.

Стоило гонцу потянуться за чипами, как я бросилась вперед и схватила их.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Забочусь о своей безопасности. – Я вышла из сейфа, не отводя взгляда от дестабилизатора. – Давай меняться: ты мне дестабилизатор, а я тебе чипы.

Ну же, давай.

Гонец сделал шаг вперед и застыл на месте, уставившись на дверь. Я обреченно повернулась.

– Привет, котик.

На пороге стоял Макель с револьвером в руке.

Гонец направил на него дестабилизатор, но на таком расстоянии от него не было прока. Некоторые модели стреляли дротиками, но этот карманный приборчик явно был не из их числа.

– Макель! – с облегчением воскликнула я. – Слава всевышним королевам! Этот эониец грозился обездвижить меня, если я не отдам футляр.

Не опуская револьвер, Макель пересек комнату и остановился у стола.

– Вот как?

Я нахмурилась. Его ледяной тон сбивал с толку. Уж не подумал ли он, что я его предала?

– Ну да, – нетерпеливо ответила я, и гонец бросил на меня неожиданно сердитый для эонийца взгляд.

– Кира, котик, – протянул Макель. – Мой самый смелый, мой самый одаренный… мой лучший карманник. – Карманник, не друг. Я не до конца понимала, к чему он ведет, поэтому слушала молча. А еще меня пугал недобрый блеск в его глазах. – И моя лучшая лгунья. – Он усмехнулся. – Я прекрасно тебя обучил.

И тут я заметила, что револьвер наставлен на меня.

– Ты о чем? – спросила я. – Ты же меня знаешь, я бы никогда…

– Умолкни! – рявкнул он. – Я прекрасно знаю, чего от тебя ожидать. Отдай футляр с чипами. Живо!

– Да что с тобой такое? Мне-то ты можешь доверять.

– Неужели? – съязвил он. – Я уже один раз доверил тебе свою жизнь. – На этих словах он машинально потер шею.

– Сто лет уже прошло! И это был несчастный случай!

Какое отношение то давнее происшествие имеет к чипам? И что на них такого важного?

– Несчастный случай? – поджал губы Макель. – Как тот, что произошел с твоим отцом? Похоже, несчастные случаи тебя просто преследуют.

Я поморщилась, как будто мне залепили пощечину. Да, Макель отстранился от меня, но таких жестокостей я от него никогда раньше не слышала. Мой друг так себя бы не повел. Это было низко. После папиного несчастного случая Макель старался утешить меня, дал крышу над головой, потому что вернуться к матери я не могла. Почему же он теперь на меня ополчился?

– Отдай чипы, пока мой палец не соскользнул, – хитро улыбнулся Макель. – Очередной несчастный случай.

Неужели он и меня бросит в канализацию? Кто же все-таки «увлекся»: подручные или сам Макель?

– Макель, пожалуйста. – Я примирительно подняла руки, позвякивая воровским браслетом. – Не надо!

Он указал дулом на гонца, а затем снова на меня.

– Двигайся. Встань рядом с ней.

Макель вечно стремился доказать, что он сильнее, чем кажется. Неужели ради этого он готов меня пристрелить?

– Шевелись! – приказал он.

Макель не случайно выбрал гонца. Он с самого начала знал, что хранится на чипах. Может, он надеялся с их помощью спасти Аукционный Дом – единственное, что осталось у него от отца? А вдруг на них воспоминания Макеля-старшего? Вряд ли. Но очевидно одно: Макелю они дороже, чем наша дружба. Придется использовать это против него.

Я распахнула ближайшее окно и выставила руку на ледяной воздух.

– Еще шаг, и чипы полетят в море. Тогда тебе придется за ними нырять.

Я тоже могу напомнить ему тот знаменательный день, когда он чуть не утонул.

– Ты их не выкинешь.

Макель замер на месте и слегка опустил револьвер.

– Ты же вроде прекрасно знаешь, чего от меня ожидать.

Я покосилась на гонца. По его лицу пробежала тень страха. Придется самой проявить мужество.

– Тихо, тихо… – сказал Макель. На лбу у него выступил пот. – Давай без глупостей.

Морская вода разъест чипы. Если я брошу футляр в воду, дело его отца тоже пойдет ко дну. Макель этого не допустит.

– Отпусти нас, – сказала я, – и получишь чипы, да еще и дестабилизатор в придачу, по старой дружбе. – Я оскалилась. – Завтра вечером они уйдут с молотка, клиенты будут довольны, и никто не узнает о том, что здесь произошло.

Он ведь поэтому хотел от нас избавиться, правильно? Чтобы мы не подмочили его репутацию? Хорошо, пусть получит свои чипы и успокоится.

– Отдай чипы, или я пущу тебе две пули в живот, – злобно ухмыльнулся Макель.

Он не станет в меня стрелять.

Во всяком случае, старый Макель не стал бы. Но он слишком долго притворялся жестоким и беспощадным, слишком долго пытался темными делишками привлечь внимание отца, завоевать его любовь. А связавшись с этими своими подручными, стал все чаще переступать пределы дозволенного.

Я все еще сжимала металлический футляр в руке. Холодный, успокаивающий. Мой единственный козырь. О чипах Макель беспокоился куда больше, чем обо мне, поэтому оставалось только одно.

Я нажала кнопку на футляре, и он с шипением открылся. Макель с гонцом замерли.

– Осторожно, котик, – тихо сказал Макель, метая взгляды то на футляр, то на море за окном. – Давай-ка отойдем от окошка…

Не дожидаясь, пока он на меня набросится, я сгребла в кулак четыре полупрозрачных шарика и засунула в рот. Чипы рассасывались у меня на языке, посылая сигналы в мозг и подчиняя себе органы чувств. Я перенеслась во времени и пространстве. Кабинет Макеля исчез.

Я находилась во дворце.

И я была вся в крови.

Часть вторая

Глава шестая

Киралия

Перед глазами мелькали картинки, как на экранах в Городе Согласия. Только не цветные, а багровые.

Нет. Ошиблась. Картинки были цветные, просто сочились кровью. Я будто смотрела на них сквозь красную вуаль.

Но вот поток изображений замедлился. Расплывчатые предметы обрели очертания.

Полоска гладкой бледной кожи. Тонкий серебряный клинок. Всего один взмах. На приоткрытых губах застыл крик. Глубокий порез. Из него хлещет кровь.

А дальше.

Жидкое золото окрашивается багрянцем. Неподвижно, потом оживает. Плещется, кружится, разливается по плитам. Облако черных волос погружается под воду. Золотая корона идет ко дну. Последний выдох. Безвольное тело всплывает на поверхность.

И тут.

Вспышка. Свет. Жар. Пузырится и лопается кожа. К стеклу прижимается ладонь. Открывается рот. Умоляет. Коричневая кожа припорошена пеплом, точно заснеженная могила.

И наконец.

Тело в конвульсиях. Дрожит. Обливается потом. Темные пряди разметались по подушке. Изрыгается рвота. Снова и снова. Лицо желтеет. Раскрываются побелевшие губы. Предсмертный стон.

Я хотела сбежать, но не могла. Они были повсюду. Картинки. Короны. Лица. Такие знакомые. Столько раз смотревшие на меня с экранов Города Согласия. Это были они. Все четыре королевы – все мертвы. Все погибли у меня на глазах. У меня в голове.

Но как же сбежать от собственного сознания?

Уходи, уходи, уходи!

– Что ты наделала? – спросил чей-то голос.

Перед глазами всплыло искаженное от боли лицо отца. Слишком много страданий.

Слишком много крови. Только не снова. Только не снова.

Я вытерла руки о платье, но они по-прежнему были в крови.

– Киралия!

Шумно втянув воздух, я вынырнула из этого жуткого кошмара в кабинет Макеля. Перед глазами то и дело вставали кошмарные картины, и я помотала головой, чтобы их разогнать. Теперь, когда чипы рассосались и смылись слюной, я наконец пришла в чувство. Но осадок остался.

– Кира! – Макель сделал шаг мне навстречу. Револьвер болтался в его опущенной руке. – Что ты видела? – нетерпеливо спросил он.

Я и забыла, что он все еще здесь. Забыла обо всем на свете, кроме тех кровавых сцен, тех лиц, отмеченных печатью смерти. Что это было?

Я бросила взгляд на гонца. Он таращился на меня во все глаза. Поскольку чипы не оставляли следов, они идеально подходили для передачи тайных посланий – к примеру, сообщений об убийстве.

– Пристрелишь меня, – ответила я, все еще приходя в себя, – и никогда не узнаешь.

Макель определенно не собирался пускать чипы с молотка.

Во что же он ввязался? Его отец никогда не вмешивался в политику. Он правил «Сваями», а до всего остального ему не было дела.

Надо было принимать по одному чипу за раз, как того требуют правила, тогда воспоминания не смешались бы у меня в голове. С другой стороны, мне хватило и того, что я увидела. Слишком много крови. Слишком много смертей.

– Давай без резких движений, – сказал Макель.

– Без резких движений? – усмехнулась я. – Это ты у нас размахиваешь стволом.

– Намек понял. – Он положил оружие на стол и поднял руки, широко расставив увешанные перстнями пальцы. – Так лучше?

Я помотала головой.

– Отпусти нас. Сохрани нам жизнь, и я, может быть, расскажу тебе, что увидела.

Макель посмотрел на гонца.

– Его я отпущу, а ты… – его подведенные кайалом глаза уставились на меня, – ты останешься здесь.

Но у меня не было никакого желания находиться с ним не то что в одной комнате – в одном квадранте. В его лице сквозило что-то зловещее. Он смотрел на меня так хищно, так плотоядно, что у меня по спине поползли мурашки. Передо мной уже не тот парень, который неделями оплакивал своего отца и заботился обо мне, когда я чуть не потеряла своего. Но нельзя подавать виду, что мне больно, иначе Макель использует мою слабость против меня самой.

– Так не пойдет, – сказала я.

– Котик, послушай. – Его голос был мягким и мелодичным, но в нем слышалась нотка отчаяния. – Я бы в жизни тебя и пальцем не тронул. Честное слово. – Это была моя фирменная фразочка. Моя дежурная ложь. – К тому же домой тебе путь заказан, – продолжил он, и я знала, что речь не о моей каморке за сценой.

Да как он смеет давить на больное? Меня так и подмывало сказать ему пару ласковых, но я взяла себя в руки и повернулась к гонцу.

– Иди сюда.

Он в нерешительности переводил взгляд с меня на Макеля, но, заметив выражение моего лица, встал со мной у окна.

– Кира. – В голосе Макеля звучали металлические нотки. – Давай присядем и потолкуем.

Он снял котелок и положил на стол. Его лоб блестел от пота. Я заставила его нервничать. Это хорошо.

– Толковать больше не о чем. Ты дашь нам уйти и никого не посадишь на хвост. Это касается и твоих подручных.

Макель пожал худыми плечами, которые, как два штыка, торчали под мешковатым пальто.

– Я не слежу за каждым их шагом. Они, как-никак, люди свободные.

Свободные? Ну да, конечно.

– Нет, следишь, – процедила я сквозь зубы. – Не надо меня дурачить.

– Чтобы я тебя дурачил? – Он ткнул себя пальцем в грудь и выпучил глаза. – Да никогда! Давай все обсудим, – повторил он, кивая на кресло возле стола. – Успокоимся, поговорим, как цивилизованные люди. – Его лицо расплылось в улыбке. – За ужином, например?

Тьма, которая месяцами накапливалась у него внутри, выплеснулась наружу. Его глаза прищурились. Движения стали дергаными. Он наблюдал за мной с той же сосредоточенностью, с какой изучал своих жертв. Как будто что-то прикидывал. Да, точно. Только на этот раз жертвой была я.

Нужно сбежать куда-нибудь, где он меня не найдет.

– Ладно, – сказала я. – Но сначала… – Я метнула пустой футляр ему в голову и крикнула: – Поберегись!

Он пригнулся, а я вытолкала гонца из окна и прыгнула следом за ним.

Мой план побега имел очевидные недостатки, и, падая в темные волны, я спрашивала себя, неужели нельзя было поступить иначе. На дворе зима. Ночь. Вода, должно быть, ледяная.

Хоть в чем-то не ошиблась.

Легкие сжало в тиски. Лицо, шею, голые руки безжалостно кололи тысячи иголок. Глаза и нос разъедала соль. Где в этом подводном кладбище верх, а где низ, я не знала.

Нужно было всплывать, но я не двигалась, думая о Макеле и том, что произошло семь лет назад.

Спустя пару месяцев после того, как завязалась наша дружба, я предложила Макелю нырнуть с пирса на «Сваях». Стоял жаркий летний денек, и море с небом были лазурного цвета. Макель колебался. Тогда он был еще тоньше, чем сейчас. Не мальчик, а тень. Но я пообещала, что пригляжу за ним, гордо объявила, что отлично плаваю. Я каждое лето ныряла с родительской лодки и умела надолго задерживать дыхание.

– Со мной тебе ничего не грозит, – сказала я. – Честное слово.

И мы нырнули.

Макель долго барахтался, а потом погрузился под воду. Я думала, что он притворяется, он ведь вечно притворялся. Вот и теперь корчил гримасы и по-рыбьи разевал рот, выпуская потоки пузырьков. Я наблюдала за его ужимками и хихикала.

Но вскоре он покраснел, а потом и вовсе начал синеть.

Я нырнула за ним, с трудом вытащила его хрупкое безвольное тельце на поверхность и, обхватив одной рукой, поплыла к берегу.

Откашлялся он быстро, но на душе у меня полегчало лишь тогда, когда его губы тронула улыбка. С тех пор он не верил моим обещаниям, будто я нарочно все подстроила.

Течение потянуло меня ко дну, и я сразу опомнилась. Кругом была беспросветная мгла. Мах за махом я упорно перебирала ногами, пока с судорожным вдохом не вырвалась на поверхность. В какой стороне причал?

Я замотала головой в поисках газовых фонарей. Мое дыхание туманом стелилось над водой.

Стараясь удерживаться на плаву, я убеждала себя, что скоро привыкну к пробирающему до костей холоду. Этого не случилось. Да еще и намокшие юбки тянули дну, к останкам других несчастных, вставших на пути у моего наставника. В своем воображении я уже видела бледные руки, которые тянутся к моим башмакам.

В спину с силой дикой кобылы ударила волна. Меня отнесло чуть ближе к причалу.

Нет, это не волна. Это рука, и она обвивает меня, тянет вниз. Над водой показались черные волосы, сверкнули в свете звезд бледные глаза.

Гонец.

Неужели задумал меня утопить? Я вспомнила тело, барахтавшееся в красно-золотой воде, и принялась брыкаться. Меня так легко не одолеть!

– Перестань! – выдавил он, когда я угодила ногой ему в живот. – Я пытаюсь тебе помочь!

Я подавилась и закашлялась. От соленой воды жутко саднило горло.

– Это платье тебя утопит.

– Аглб!

Я хотела сказать: «Согласна».

– Нужно… – пыхтел он, гребя на месте, – нужно его снять.

Я кивнула и потянулась к застежкам на спине, но тут же ушла под воду с головой. Две сильные руки потянули меня вверх.

– Не трогай! – сказал он. – Я сам.

Я хотела пошутить, что ему не терпится раздеть меня с нашей первой встречи, но снова хлебнула морской воды.

Он развернул меня к себе спиной и занялся шнуровкой на корсете, но его героические попытки спасти меня из объятий моря не увенчались успехом. Мы оба то и дело опускались под воду.

– Почему это так сложно? – не выдержал он. Я с завистью подумала о магнитных застежках на его органическом костюме.

– Держи, – сказала я, протягивая ему острую отмычку с браслета.

Он быстро распорол шнуровку, и я с облегчением высвободилась из тяжелого платья.

Наслаждаясь свободой движений, я поплыла к причалу, и гонец последовал за мной.

Но только я начала карабкаться по лестнице, как вдруг в тишине, подобно туманному горну, прозвучал голос Макеля.

– Найдите их! – приказал он. – Не дайте ей уйти!

Я поежилась. Этот тон он приберегал для особых случаев.

А точнее, для особых людей – своих подручных.

Скользнув обратно в воду, я многозначительно посмотрела на гонца и прижала палец к губам.

– Я никого не вижу, – пробасил кто-то. У нас над головой скрипнули доски и захрустел лед.

Мы влипли по самое не хочу.

– В чем дело? – спросил гонец.

Я заткнула ему рот, но было уже поздно.

– Я их слышу, – раздалось сверху. – Они в воде, прямо под нами.

– Он мне не нужен, ловите ее, – сказал Макель. – Живо!

В воду бросилась темная фигура, над головой загремели шаги.

– Сматываемся! – Я подтолкнула гонца по направлению к берегу. – Скорее!

Я гребла изо всех сил, надеясь, что гонец последует за мной, но, обернувшись, увидела, что он порядком отстал, а к нам плывет один из подручных. У него была лысая голова, желтая чешуйчатая кожа, а вместо белков и радужной оболочки – сплошная чернота. Двигался он как призрачное морское чудовище, а разило от него, как от тухлой рыбины.

– Быстрее! – крикнула я гонцу.

Откуда-то сверху послышался смех Макеля. Сам он к воде даже приближаться не стал. Да и зачем, ведь для грязной работы есть другие.

Кто-то схватил меня за ногу, и я завизжала.

– И чего ты их так боишься, – поддразнивал Макель. – Славные ребята. И мухи не обидят.

Он снова рассмеялся. Мы оба знали, что это вранье. Может, когда-то они и были славными ребятами, но не теперь. Макель превратил их в чудовищ. Или это они сделали чудовище из него самого?

Подручный сгреб меня в охапку и прижал к столбу. В его черных глазах отражалось мое испуганное лицо.

– Отпусти! – закричала я.

– Давай ее сюда, – прохрипел с пирса его товарищ.

Меня подняли в воздух, и я заорала.

– Килалия, не пелешивай, – прошамкал тот, что стоял наверху. Правая половина его лица напоминала изъеденный червями гриб. – Мы тебя не тлонем.

Он наклонился и протянул ко мне руку, с которой частично слезла кожа с мясом, обнажая желтые кости.

Не успели его пальцы сомкнуться на моем плече, как из воды выпрыгнул гонец и ткнул в него дестабилизатором. Раздался громкий вжик, и вены в его изуродованной руке сверкнули ярко-голубым, а потом почернели. Глаза его закатились, и он бревном рухнул на пирс. Гонец тем временем снова нырнул под воду.

Я уже было подумала, что подручный отдал концы, тем более что воняло от него, как от трупа, но тут он слабо застонал. Бесхребетный эониец даже не увеличил на дестабилизаторе мощность!

– Что случилось? – крикнул Макель откуда-то издалека. Подходить ближе он явно опасался.

Лысый подручный прищурился, вглядываясь в черную воду. Он и его напарник не боялись никого и ничего. Я попыталась вырваться, но он держал меня железной хваткой.

– Эй, что происходит? – снова спросил Макель.

Я впилась зубами в руку подручного, и он издал дикий вопль, как раненый зверь.

Вжик!

Подручный содрогнулся, и я почувствовала покалывание в том месте, где он касался моей кожи. Он выпустил меня, вытянул руки по швам и словно окаменел.

– Поплыли отсюда, – сказал гонец.

Уговаривать меня не пришлось.

Добравшись до берега, я упала на песок и откашлялась, а потом перевернулась на спину и уставилась в небо. Звезды подмигивали мне, как будто все, что случилось, было веселым розыгрышем. Надеюсь, он позабавил покойных королев, наблюдавших за нами с небес.

Закрыв собой звезды, надо мной склонился гонец. На его высоких скулах и пухлых губах поблескивали капли воды, а черные волосы, как водоросли, облепляли лицо. В полумраке его глаза напоминали жемчужины. Если я походила на полудохлую крысу, то он выглядел как манила – существо из преданий торианских моряков, которое соблазняло мужчин и женщин и завлекало в морскую пучину. Отец называл нас с мамой сухопутными манилами, потому что мы все время пытались заманить его на сушу. Жаль, что у нас ничего не вышло.

– Ты цела? – спросил гонец.

Я перевернулась на бок, осторожно поднялась на ноги и похлопала себя по рукам и ногам.

– Вроде все на месте.

– Во имя королев, что это за твари?

– Подручные Макеля, – содрогнулась я. – Из вашего квадранта. Уродливая изнанка идеального мира.

– Эония далеко не идеальна, – хмыкнул он.

Учитывая, какими безупречными были губы, с которых слетели эти слова, верилось в это с трудом.

– Когда стало ясно, что ГИДРа на исходе, а воспроизвести ее не получится, ученые бросили силы на создание нового препарата – лекарства от смерти, – сказала я. – На этих ребятах его и испытывали: сначала разрушали клетки организма, а потом пытались восстановить. – При мысли об изувеченных телах

подручных меня передернуло. – Но сыворотка не подействовала.

– Так ты знаешь про ГИДРу? – оживился гонец.

– Само собой. Про нее все знают.

Тут я немного погрешила против истины. Если бы не смерть Макеля-старшего и не травма отца, я бы, может, и не подозревала, что такая штука существует, но мне не хотелось объяснять все это гонцу.

– Но что эти его подручные делают в Тории? – спросил он.

– Макель знает пограничников, охраняющих эонийские стены, а точнее, все их секреты. – «Шантаж – это просто разновидность торговых отношений», – любил говорить он. – Они сообщают ему о новых технологиях, которые могут заинтересовать его клиентов, и поставляют дешевую рабочую силу. Поверь, никто не хотел сбежать из Эонии сильнее, чем эти монстры.

К несчастью, им не пришло в голову, что, перебравшись через границу, они попадут из одного кошмара в другой. Макель контролировал каждое их движение, и, хотя здесь у них была крыша над головой, никакой награды за свои «охранные услуги» они не получали. Здесь они живы, или скорее не мертвы, а на большее пусть и не рассчитывают.

– Подручные делают за Макеля грязную работу и отпугивают всех, кто встает у него на пути, – продолжила я.

– Это очень грустно.

– Грустно? – фыркнула я. – Ты разве их не видел? Они жуткие и мерзкие!

– Я видел. – Его лицо потемнело. – Но они тоже когда-то были людьми.

– Вот именно: когда-то.

Эти двое сами подписались на генетические эксперименты, чтобы поднять свой статус в эонийском обществе. Все кончилось тем, что их даже на улицу не

выпускают при свете дня. Если пройдет слух, что Макель укрывает эонийских беженцев, которых, как объекты провалившихся опытов, давно должны были уничтожить, Аукционному Дому придет конец. Макель, конечно, человек влиятельный, но такое не сойдет с рук даже ему.

– Полагаю, тебе это еще пригодится, – сказал гонец после минутного молчания, протягивая мне отмычку.

– Спасибо.

Я прицепила ее к браслету, хотя с удовольствием выкинула бы в море.
С Макелем уже давно творилось что-то неладное, но такого я от него не ожидала.

Я спрятала замерзшие руки в карманы, и хотя я промокла до нитки, стало чуточку теплее.

– И за то, что помог, спасибо.

– Не мог же я дать тебе утонуть, – ответил он таким тоном, будто горько об этом сожалел. Все ясно: до сих пор сердится.

Сняв торианскую одежду, он остался в органическом костюме, который, судя по всему, высох прямо на нем. Я же вся продрогла в своей мокрой сорочке.

– Прости, что так вышло, – сказала я, выжимая волосы. – Мне велели обокрасть тебя, – я пожала плечами, – и я так и сделала. Ничего личного.

– Ничего личного? – проворчал он. – Из-за тебя и этого Макеля, – последнее слово он выплюнул, – я потерял заказ и… – он схватился за голову и прошептал: – Только не это…

– Что?

Я обернулась, ожидая увидеть, как подручные Макеля, подобно воскресшим утопленникам, выползают из воды.

– Коммуникационная линия! – Он провел пальцами вокруг уха. – Похоже, ее смыло.

– Досадно.

– Ты не понимаешь. – Он уставился в море, будто надеялся, что ее вынесет на берег. – Мне нужно связаться с боссом и сообщить, что я провалил задание.

– Боссы плохо переваривают такие новости, – сказала я. – Уж поверь, лучше ему не знать.

– Я должен отчитаться, иначе меня уволят.

– По-моему, поезд ушел.

– Это не шутка, – поморщился он, – а моя жизнь. Что же мы теперь будем делать?

– Мы? – Я постучала ногами, и из башмаков заструилась вода. – Мы не будем делать ничего.

– Но ты приняла чипы, – возразил он. – И посмотрела воспоминания.

Чем меньше я буду думать о чипах и тех жутких сценах, тем лучше. Да и времени на размышления не было. Я поспешила к ближайшей дороге. На таком холоде без движения можно окоченеть.

Гонец догнал меня в несколько шагов.

– Ты приняла чипы, чтобы ваш главарь тебя не пристрелил.

– И тебя, – напомнила я. – Подумала, тебе пока не хочется в квадрант без границ. Так вот, теперь мы квиты. Я спасла твою жизнь, а ты – мою. Взаимовыгодный обмен.

Я потерла глаза. Лицо разъедала соль. У меня до сих пор в голове не укладывалось, что Макель чуть меня не убил. Я всегда знала, что он опасен, но думала, что наша дружба защитит меня от его темной стороны. Когда я проглотила чипы, ему явно стало не до шуток. Он так уставился на меня, что мне его лицо будет в кошмарах сниться.

– Макель не заключает невыгодных сделок, – сказала я. – У меня не было выбора.

– Куда ты идешь? – поинтересовался гонец.

– Подальше отсюда. – На самом деле я еще не придумала, куда податься. – Подальше от Макеля.

– Ты же меня не бросишь?

Я усмехнулась.

– Если бы я получала по кварте за каждого парня, который мне это сказал…

Он схватил меня за рукав, но вспомнив, что я в одной сорочке, тут же отстранился.

– Мне нужны чипы, иначе я останусь без работы.

– А мне нужна горячая ванна и блюдо лудских сладостей, – сказала я, не сбавляя шага.

– Тебя вообще ничего не волнует? – нахмурился он.

Странно слышать такое от эонийца.

– Волнует. Как остаться в живых.

– Что было на чипах? Что ты видела?

Он впился в меня взглядом, словно пытался прочесть мои мысли.

– Лучше тебе не знать.

Мне не хотелось обсуждать увиденное. Из-за того что я приняла все чипы сразу, в голове у меня была каша, но одно я знала точно: встречаться с заказчиком чипов я не хочу. Сегодня я повидала достаточно.

– Но Макель был твоим другом? – допытывался гонец, кружа возле меня, как трупная муха.

– Другом, врагом, – пожала плечами я. – Кто его разберет.

Уж точно не я.

– А что он имел в виду, когда сказал, что домой тебе путь заказан?

Я споткнулась, но он подхватил меня за локоть.

– Ничего, – буркнула я, выпрямляясь и выдергивая руку. – Я у него квартировала, вот и все тут.

– Куда ты теперь пойдешь?

– Хватит до меня докапываться! – всплеснула я руками.

Немного подумав, он сказал:

– Для торианца главное – это заключить выгодную сделку. На этом построена вся ваша экономика.

Его послушать, так все мы циничные эгоисты. Я бы описала Торию иначе.

– И что?

– Я хочу сделать тебе предложение…

– Замуж за тебя я не пойду, – хитро улыбнулась я.

– Кроме шуток.

Вид у него и правда был серьезный: губы поджаты, подбородок выпячен больше обычного.

– Ладно, делай свое предложение.

– Тебе нужно спрятаться от Макеля, а мне нужны воспоминания.

– Говорю же, они утрачены, – простонала я. – Или ты вообще не следишь за развитием событий?

– Они не утрачены, – сказал он.

– В смысле?

Я замедлила шаг и повернулась к нему лицом. Он постучал пальцем по виску.

– Они здесь, у тебя в голове. – Ну, это я и сама прекрасно знала. – А значит, если ты проживешь их снова, я смогу записать их на новые чипы и доставить заказчику. Тогда меня, может быть, не уволят.

– Проживу снова?

Не очень заманчивая идея.

– Ты должна будешь закрыть глаза и представить время и место, с которых начинается воспоминание, а все остальное из твоего сознания вытянет записывающий аппарат. Так и создаются коммуникационные чипы.

– А я забуду то, что видела?

– Нет, – грустно ответил он, как будто сам хотел что-то забыть.

– Я не хочу, чтобы ты тут хозяйничал, – заявила я, указывая на свою голову. – Это мое самое ценное имущество. Если не считать сам знаешь чего.

Я подмигнула, но он никак не отреагировал. А может, просто подумал, что у меня нервный тик.

– У тебя нет другого выхода. – Он кивнул на мою промокшую сорочку. – Тебе нужно безопасное место и сухая одежда. Я предоставлю и то, и другое.

Я окинула его взглядом.

– Вряд ли у нас один размер.

Он даже не улыбнулся.

– Ты хочешь прозябать на улице, пока тебя не отыщет Макель?

– Я могу о себе позаботиться, – отрезала я, но тут же подумала: так ли это? Раньше я всегда в случае чего могла положиться на Макеля, а до этого – на родителей.

– Может, не стоит? – сказал он, задумчиво сдвинув густые брови.

Ну конечно! Эониец всегда протянет руку помощи, ведь порядочность и взаимовыручка у них там ценятся превыше всего. И все же планировать следующий ход из какого-нибудь теплого и безопасного местечка было бы не так уж и плохо.

– Ладно, я помогу тебе переписать воспоминания.

Заметив, как неохотно я приняла его предложение, он спросил:

– Неужели они такие плохие?

Он еще не знал, что на чипах. Как же я ему завидовала! Пусть торианская королева и поставила под угрозу будущее «Свай», а вместе с ним и мое

собственное, я вовсе не желала ей смерти. И хотя я глазами убийцы видела, как погибает каждая жертва, мне до сих пор не верилось, что все квадарские королевы мертвы.

– Хуже, – сказала я. – Они просто убийственные.

Глава седьмая

Стесса, королева Лудии

Статья третья: «Развитию лудского искусства, музыки и литературы не должны мешать никакие житейские хлопоты».

Тем же вечером ко двору прибыл эонийский инспектор, и советники отвели ему небольшой, скромно убранный зал для совещаний. Золотые канделябры, портреты улыбающихся королев в роскошных рамах, фрески с изображением квадарских пейзажей – все это сейчас было бы не к месту. Расследование убийства – дело серьезное, поэтому шестнадцатилетняя Стесса надела свой самый серьезный наряд – облегающий костюм из белого шелка, – а волосы украсила самыми простыми бусами.

Посреди зала стоял массивный полированный стол из красного дерева, в одном конце которого сидел инспектор Гарвин, а в другом – сестры-королевы. Советники стояли у инспектора за спиной. Над стеклянным потолком высился золотой купол, окрашивавший все в теплые тона. Эту скучную и тесную комнатушку, должно быть, использовали впервые со времен постройки дворца.

Стесса нервно перебирала бусы, пока Кора не бросила на нее возмущенный взгляд. Как и все северяне, Кора считала лудов наивными, легкомысленными и недалекими. Но она ничего не понимала. Луды знали, что мир бывает жестоким, что причин для грусти больше, чем поводов для радости, что мрак совсем близко. Но вместо того, чтобы упиваться отчаянием, предавались наслаждению.

К тому же Кора не видела, как сильно у Стессы тряслись руки, когда она одевалась на встречу с инспектором; не знала, что вести об убийстве разбили вдребезги ее радужное представление о мире. Стесса никогда не сталкивалась с настоящими трудностями и опасностями. Луды черпали силы во всем светлом и прекрасном, и, чтобы пережить этот кошмар, она будет еще крепче держаться за традиции своего народа.

Инспектор поднес к губам карманный диктофон.

– Я осмотрел тело королевы Айрис, – пробормотал он. Но Стессе не хотелось слушать, как Айрис погибла, как убийца распорол ее горло, как она истекала кровью. Лучше пока изучить самого инспектора.

Его нельзя было назвать старым, это-то ее и удивило. По словам Коры, он был выдающимся детективом и раскрыл все дела, за которые когда-либо брался, а их было не меньше тысячи. Поэтому Стесса представляла себе дряхлого старца, а не мужчину средних лет. Между бровей инспектора залегли две глубокие морщины. Взгляд черных глаз был пронизывающим. За его долгую карьеру эти глаза, вероятно, не упустили ни одной важной детали. Его черные волосы на висках были припорошены сединой. Он внушал уважение. И страх.

Но виски подкрасить ему бы не помешало. Немного черной подводки – и готово. С другой стороны, седина гармонировала с его серым органическим костюмом.

Инспектор обладал привлекательностью зрелого мужчины, этого нельзя было отрицать, но чем дольше она его разглядывала, тем сильнее убеждалась, что с ним что-то не так. Его уши были едва заметно больше обычного, нос чуточку длиннее, чем нужно. Наверняка из-за генетических манипуляций.

А главное, и поэтому она отказалась пожимать ему руку при встрече, в каждом пальце у него было по одной лишней фаланге. Ближе к кончикам пальцы сужались, но ногтей на них не было, и из-за этого они были похожи на паучьи лапки.

Эонийцы всячески старались усовершенствовать себя с помощью генной инженерии. Обычно гены редактировали еще в утробе матери, закладывая в плод способности к той или иной профессии, как в случае с инспектором.

Большая часть Эонии была покрыта снегом и льдами, и выжить в таких условиях было нелегко. С годами эонийские технологии так эволюционировали, что сделали возможной эволюцию самого человека – с помощью редактирования генов. Изначально эонийцы лишь хотели избавить мир от болезней, что и привело к созданию ГИДРы и парочки других препаратов, но ученым-генетикам этого было мало: они желали исследовать возможности человеческого тела.

Стесса слышала об ученых, которые зашли слишком далеко в экспериментах над пациентами – или, скорее, подопытными, – размывая границы между жизнью и смертью. Как-то раз до дворца долетели слухи о жутких опытах над людьми, но к приходу следователей все улики были уничтожены.

После этого королева Кора ужесточила законы, чтобы держать генетиков в узде.

Руки инспектора напомнили Стессе одну страшилку, которую пересказывали шепотом на школьных площадках. В ней говорилось о пустом человеческом теле, которое прокрадывалось по ночам в детские комнаты и прикладывало длинные пальцы к вискам спящих детей, подыскивая себе подходящую душу. Называлась она «История о подправленном человеке».

У Стессы волосы на затылке встали дыбом. Лезут же в голову всякие ужасы! Чтобы отвлечься, она стала разглядывать симпатичное лицо инспектора. У него были губы бантиком, а по обе стороны рта залегли морщинки. Может быть, он много улыбался? И если так, то кому? Впрочем, вряд ли у него была любимая женщина. Эонийцы не выбирали себе пару, им назначали в партнеры тех, с кем у них было больше шансов произвести хорошее потомство.

При одной мысли о жизни без любви у Стессы сжалось сердце. Она даже представить не могла, каково это, хотя раньше боялась, что ее, как будущую королеву, ждет именно такая судьба.

В семье, где выросла Стесса, любовь и ласка были так же привычны, как солнце над головой и стены между квадрантами. Ее приемные родители горячо любили друг друга и не раз повторяли, что любовь – самое важное чувство на свете.

«Пусть любовь укажет сердцу путь, и все встанет на свои места».

Минул уже год с тех пор, как умерла ее родная мать и Стесса унаследовала престол, но не проходило и дня, чтобы она не скучала по прежней жизни.

В первые недели правления Стесса всерьез подумывала сбежать домой, к родителям. Ее настоящие родители остались в Лудии, а та холодная, неподвижная женщина, которая покоилась в королевских гробницах, была ей чужой. Стесса даже не была на нее похожа. Они обе были миниатюрными, но на этом сходство заканчивалось. Та женщина была бледной и белокурой, а у Стессы была смуглая с медным отливом кожа и черные волосы.

Должно быть, внешность досталась ей от отца, которого мать выбрала из множества кандидатов на ежегодном королевском балу. Избранникам правительниц щедро платили, но ни на ребенка, ни на престол они притязать не могли.

Отец Стессы приплыл в Квадару из другой страны, объединенной под властью одного правителя. Короля. Невообразимо! Межквадрантные стены веками поддерживали в Квадаре мир. Без них королевство придет в упадок, как это было много лет назад, при последнем короле, когда битвы и восстания вспыхивали так же часто, как молнии в грозу. Наблюдая, как слабеет одна из крупнейших стран на свете, соседние народы готовились к завоеванию, но со смертью квадарского короля все изменилось.

Хотя мысль о правителе-мужчине ее пугала, Стесса готова была раздобыть торианский корабль и отправиться за море, к родному отцу. Куда угодно, лишь бы подальше от дворца.

Но спустя пять недель после коронации ей представился шанс, который она не могла упустить. Шанс урвать хотя бы кусочек старой жизни.

Как же она скучала по Лудии с ее узкими улочками и петляющими каналами! По аромату духов и выпечки в воздухе. По друзьям и ночным гулянкам. В Лудии жизнь кипела круглые сутки. Стесса до сих пор не привыкла к тишине дворца после полуночи.

Записав свои выводы на диктофон, инспектор откинулся на спинку стула и сказал:

– Убийца действовал с поразительной быстротой. – Он прочистил горло. – Все было тщательно спланировано.

У Стессы мороз пробежал по коже.

Она бросила взгляд на своего советника, высокого обворожительного парня с разноцветными татуировками на шее, квадратным подбородком и огненно-рыжими волосами. Сколько раз она портила эту идеальную укладку, пробегая по ней пальцами, когда они нежились в постели… Лайкер, который пока что был стажером, украдкой высунул язык, а потом снова напустил на себя серьезный вид. Стесса прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Луды обожали новые знакомства, особенно с земляками. Во всяком случае, так Стесса объяснила свое поведение, когда Лайкер впервые прибыл во дворец, а она кинулась к нему в объятия. Будь она умнее, держалась бы в стороне. Но она была истинной дочерью своих родителей – ей всегда двигали чувства. От Лайкера веяло домом: трубочками с кремом, которые пекла ее мать, и маслом из перечной мяты, которым луды смазывали губы. Если бы Лайкер на нее не шикнул, Стесса бы поцеловала его и выдала их обоих.

Спохватившись, она стала оправдываться, что новый советник напомнил ей о доме. Сестры-королевы поверили, зная, что луды – натуры пылкие, и не зная, что у Стессы от вранья уши горят.

Кора подняла руку. Идиотская эонийская привычка. Она королева, и ей не пристало просить разрешения, тем более сейчас.

Инспектор повернулся к эонийке. В молодости он, наверное, был очень даже недурен. Стесса виновато покосилась на Лайкера, но тот ничего не заметил. Конечно, она была ему верна и все такое, но это вовсе не означало, что ей нельзя заглядываться на других. Лайкер и сам ценил красоту. Тяга к прекрасному была у лудов в крови.

С другой стороны, он был парень ранимый, и Стесса все делала с оглядкой на него. Раньше он был уличным художником и расписывал стихами фасады лудских домов. Каждый взмах его кисти, каждая буква, каждый завиток рождали море смыслов и переживаний. Творчество было его отдушиной, и без него Лайкер готов был на стенку лезть. Его темперамент пылал так же ярко, как

и его волосы.

Они оба были слишком открыты миру, слишком глубоко чувствовали. Что же будет через два года, когда ей придется дебютировать на королевском балу и выбирать себе ухажера? Каждый раз, когда Лайкер спрашивал об этом, она уклонялась от ответа, но так не могло продолжаться вечно.

– Да, королева Кора? – сказал инспектор, прерывая размышления Стессы.

– Почему вы думаете, что убийство было спланировано? – спросила Кора.

– А что тут думать-то? – вырвалось у Стессы, хотя она собиралась сидеть и помалкивать. Пусть инспектор тут из-за убийства Айрис, все равно лучше не привлекать лишний раз его внимание. Ей не терпелось уединиться с Лайкером. Он возьмет ее дрожащие руки в свои и будет рассказывать глупые шутки, пока этот ужасный день не вылетит у нее из головы.

– Что натолкнуло вас на такой вывод, королева Стесса?

Инспектор встретился с ней взглядом – впервые с тех пор, как она вошла. У него были такие черные глаза, что радужную оболочку невозможно было отличить от зрачка. Они напоминали глухую беззвездную ночь. Какие зверства им довелось повидать?

– Королева Стесса? – повторил инспектор.

Ясно, о чем он подумал. Ее слова снова прозвучали резко и бездушно.

Подозрительно.

Но инспектор ошибался. Она всего-навсего сказала правду. Айрис бы оценила.

Стесса вздернула подбородок. Хоть он и не ее подданный, она все же королева и заслуживает почтения. Айрис внушала почтение одним своим видом, но Стесса была младше, и ей такие вещи давались труднее.

– Айрис не сама себе перерезала горло, – сказала Стесса. – И дня не проходило, чтобы она с кем-нибудь не поспорила или не повысила голос. – Она пожала плечами, побрякивая бусами из драгоценных камней. – Вот и все.

Пусть теперь от нее все отстанут.

– Никто не стал бы убивать человека за то, что он спорщик, – сказала Кора, а потом немного нерешительно добавила: – Правда ведь?

Похоже, у эонийской королевы в голове не укладывалось, что кто-то может совершить преступление от избытка чувств.

Кора видела в Айрис только хорошее, а на недостатки закрывала глаза, но даже она не могла отрицать, что Айрис многие недолюбливали. Особенно слуги из других квадрантов. Архейской королеве трудно было угодить. Хотя во дворец поставляли товары со всей Квадары, Айрис упорно не желала нарушать свой архейский уклад. Для нее всё должны были изготавливать вручную: одежду, пищу, даже столовые приборы. Она была упряма и неуступчива.

– Инспектор, вы сказали, что убийство было спланировано, – сказала Маргарита, возвращая разговор в прежнее русло. – Как вы это поняли?

Маргарита явно не чуралась неприятных подробностей, но вести расследование поручили не ей.

Инспектор скривил губы и, немного помедлив, ответил:

– Как я уже говорил, рана очень аккуратная. Убийства в порыве страсти такими опрятными не бывают. Мы имеем один чистый, выверенный надрез. Убийца все рассчитал и оставил себе время скрыться.

«Опрятными. Какое странное слово для описания перерезанной глотки», – с содроганием подумала Стесса. На самом деле убийство было не таким уж и опрятным. Слуги в коридорах рассказывали друг другу, что тело обнаружили в луже крови.

– О чем это говорит? – допытывалась Маргарита.

Лицо Коры, как обычно, не выражало никаких эмоций.

– Скорее всего, преступление совершил профессиональный убийца или кто-то, кто раньше уже убивал, – осторожно произнес инспектор, переводя взгляд с одной королевы на другую. – Наемник, – пояснил он, почесывая подбородок своими жуткими длинными пальцами.

– Возможно, его подослали из какой-нибудь соседней страны? – предположила Маргарита, нервно ерзая на стуле.

– Возможно, – согласился он. – Вряд ли ваши придворные и слуги умеют так чисто и безжалостно убивать.

Инспектор оглянулся на советников, стоявших у него за спиной, облокотился на стол и подался вперед.

Королевы последовали его примеру.

– Нет ли среди обитателей дворца новых лиц? – поинтересовался он вполголоса.

– Нет, – покачала головой Маргарита. – Уже больше года наше окружение никто не пополнял.

От его вопроса в груди Стессы будто вспыхнуло пламя.

– А что было до этого? – спросил он.

Взгляд Маргариты скользнул по Стессе и устремился в другой конец комнаты.

На Лайкера.

– До этого приехали двое, – ответила Маргарита.

Пламя превратилось в пожар.

– На что вы намекаете? – Стесса вскочила с места, и бусы шумно заплясали у нее вокруг лица. Ее стул отлетел к стенке. – Что Айрис зарезала я? – С ее губ сорвался смешок. – Хоть она мне и не нравилась, на такое я не способна. Какой из меня убийца? – Она развела руками, будто один ее вид служил доказательством невиновности.

Инспектор снова смерил ее взглядом.

– Нужно изучить все возможные варианты, – сказал он, поджав губы. – Вы же хотите найти преступника, королева Стесса?

Стесса подвинула стул на место и, стараясь унять ярость и панику, села обратно за стол.

– Хочу.

Инспектор соединил кончики пальцев.

– Вот и хорошо.

Стессе сделалось не по себе. Инспектор перевел взгляд на Кору с Маргаритой.

– Я допрошу всех обитателей дворца.

Всех. Стесса едва удержалась, чтобы не переглянуться с Лайкером, и нервно заерзала.

– Мы понимаем, – сказала Маргарита, кладя руку Стессе на плечо. – Ради королевы Айрис и Археи мы сделаем все, чтобы найти виновного. А когда он будет пойман, сообщим о ее гибели народу.

Кора сидела, опустив голову и прижав руку к груди, как будто ей трудно дышать.

– Прекрасно, – кивнул инспектор. – Тогда я начну с королевы Стессы.

Стесса расправила плечи и взглянула ему в глаза.

– Начинайте, скрывать мне нечего.

К несчастью, это было не так.

Глава восьмая

Киралия

Когда мы вышли на булыжную мостовую, я огляделась по сторонам. Эту часть гавани освещали всего несколько газовых фонарей. Вдали, как свет в конце тоннеля, ярко сияла дорога в Центральную Торию, которую на «Сваях» окрестили «Отмелью», потому что настоящая жизнь со всеми ее подводными камнями была горожанам незнакома.

Самый короткий путь в Эонию пролегал через «Отмель» и Город Согласия, стоявший на пересечении трех квадрантов.

– До Города Согласия идти не один час, – сказала я.

Чем дольше я оставалась в Тории, тем больше у Макеля было шансов меня выследить. У меня не осталось к нему и капли доверия.

– Тогда нам нужно средство передвижения, – ответил он.

– Карета.

– Да, но где мы найдем…

– А вот и она!

Я в жизни так не радовалась стуку копыт.

– Где? – Гонец щурился, вглядываясь во мрак. – Я ничего не вижу…

– Да вот же!

Навстречу нам вышли две белые кобылы, запряженные в маленький экипаж. Извозчик сливался с темным небом, отчего создавалось впечатление, что каретой правит призрак.

Уж лучше иметь дело с этим призраком, чем с теми, которые остались позади.

– Тебя в таком виде в карету-то пустят? – спросил гонец, указывая на мою сорочку и мокрые волосы.

– Деньги есть? – спросила я. Он кивнул. – Значит, пустят.

Гонец протянул мне горсть круглых монет, и даже в полумраке я различила золотой блеск. Удивительно! Возможно, он и смог бы выкупить чипы, если бы Макель пожелал с ними расстаться.

Когда карета приблизилась, я выбежала на дорогу, встала в круг света от ближайшего фонаря и замахала руками.

– Стой!

Извозчик натянул поводья, лошади заржали и остановились.

– С ума сошла, девка? – спросил он, окидывая меня взглядом.

– Пусти нас, – потребовала я, с трудом распахивая дверцу. При виде тесного пространства сердце провалилось куда-то в желудок.

– Сиденье намочишь, – сказал извозчик, обнажив редкие гнилые зубы.

– Видишь это? – Я схватила гонца за руку, в которой лежали монеты, и он поморщился. – Это золотые кварты, и они все твои.

– Постойте-ка… – начал гонец, но я так сурово на него взглянула, что он мигом притих.

– Пожалуйста! – не отставала я от извозчика, досадуя, что выгляжу как утонувшая крыса. Мой внешний вид портил весь расклад.

Извозчик оглянулся через плечо и кивнул.

– Ладно. Залезайте.

Я не стала ждать, пока он передумает, и быстро забралась внутрь.

– Нам нужно в Город Согласия. И поживее.

– Это мои последние деньги, – сказал гонец, усаживаясь рядом.

– Хочешь скрыться от Макеля и его подручных?

Он кивнул.

– Тогда не жадничай.

Я облокотилась на дверную ручку и вздохнула с облегчением. Мы в безопасности.

Карета рывком двинулась с места, и гонец уперся руками в стенки салона.

– Никогда не ездил в экипаже?

Он сжал губы в нитку и помотал головой. Карета затряслась по мостовой. Тория была более развитым квадрантом, чем Архея, но такие технологии, как скоростные электропоезда, мы позволить себе не могли. Но у королевы Маргариты были большие планы на будущее. К примеру, снести «Сваи» и построить крупный порт для международной торговли.

Интересно, вести о ее гибели уже долетели до торианской гавани? На «Сваях» это стало бы поводом для праздника. А до эонийского медицинского центра? Мама всегда восхищалась королевой Маргаритой и одобряла ее замыслы избавить Торию от преступности.

Мне вдруг так нестерпимо захотелось броситься к маме в объятия, что стало трудно дышать.

– В Эонии нам ничто не угрожает, – сказала я, обхватывая себя руками. – Макель не покинет свои владения, а подручные не рискнут возвращаться домой.

Просто невероятно: единственный человек, на которого я полагалась все эти годы, в одночасье стал моим худшим врагом!

Стены кареты стали сжиматься, и я попыталась успокоиться. «Вдох – выдох, – напомнила я себе. – Куда есть вход, оттуда есть и выход. Это не наказание. И не ловушка. Тебя не душит запах водорослей, рыбы и крови. Тебе просто почудилось. Здесь полно места».

Но смерть квадарских правительниц высвободила страшные мысли и воспоминания, которые я уже не могла подавить.

Все случилось полгода назад. Отец в очередной раз пытался приобщить меня к мореплаванию, чтобы отвадить от Макеля и его шайки.

Я не говорила, чем занимаюсь на «Сваях», но отец и так все понимал. Я обещала сделать их жизнь лучше, купить им дом побольше и даже новую лодку, но отец не принял ни кварты, заработанной воровством.

– В нашей семье, Кира, всегда зарабатывали на хлеб тяжелым трудом, – говорил он. – То, чем занимаешься ты, – это обман. И, что хуже всего, ты обманываешь саму себя. Ты способна на большее.

Он ничего не понимал. Я стала именно тем, кем хотела, и получила все, о чем только можно мечтать. Все, чего не могли позволить себе родители. И я хотела всем этим с ними поделиться.

Был самый обыкновенный день, и мы, по традиции, проспорили бы до самого заката, если бы наша лодка не подошла слишком близко к берегу и не врезалась в камни. Я вцепилась в мачту, но от удара лодка разбилась, и нас вышвырнуло за борт. Отец приземлился у подножия скалы, а я упала прямо на него.

Я думала, что он, как и я, цел и невредим, но папа все не открывал глаза, а потом я увидела кровь, сочившуюся из глубокой раны у него на затылке.

Мне удалось дотащить его до ближайшей пещеры, но он все никак не приходил в себя. Я сидела возле него и дрожала от холода, потому что влажный воздух не давал одежде просохнуть, а мои всхлипы эхом разносились по узкой пещере.

На второй день от обезвоживания у меня начались галлюцинации. Мне мерещилось, что стены и потолок пещеры трясутся и вот-вот обрушатся. На третий день я уже сама об этом мечтала.

На четвертые сутки нас обнаружила береговая охрана. Сначала нас даже приняли за трупы, потому что мы оба лежали без сознания и были запачканы кровью. Потом, когда меня умыли, выяснилось, что ранен только отец. Никогда не забуду, как расплакалась мама, когда нас увидела. Но это было лишь начало ее страданий.

И вот теперь отец при смерти.

К несчастью, тот день уже не изменить, как и множество других. Будь у меня шанс вернуться в прошлое, я не стала бы пожимать руку Макеля у Аукционного Дома. Но Макель не виноват в том, что я сделала с отцом. Мне всегда хотелось большего, чем могли дать родители. Мне хотелось другой жизни. Теперь придется мириться с последствиями.

– Эй, – сказал гонец, заметив, что меня трясет. – Тебе нехорошо?

Я покачала головой и под видом того, что убираю волосы с лица, вытерла со лба пот. Промокшая сорочка заиндевела и превратилась в ледяной саван. Я с трудом сдерживала панику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shol-te_astrid/chetyre-mertvye-korolevy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити